АСТРАМЕЧАЎСКІ РУКАПІС

БРЭСЦКІ РАЁННЫ КРАЯЗНАЎЧЫ АЛЬМАНАХ

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНАЕ ЛІТАРАТУРНАЕ ВЫДАННЕ

Выходзіць штоквартальна
Мова: беларуская, руская

№ 1 [29]•2020

Кантакты:

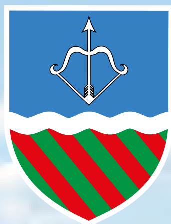
(+375 29) 20-161-02;
e-mail: kotlas@tut.by
Чытаць анлайн: http://brest-railib.by

16+

Падпісана да друку 04.12.2019.
Фармат 70х100 1/16. Гарнітура PF Agora Serif Pro.
Тыраж 99 экз. Ум. друк. арк. 8,10.
Друк цыфравы. Надрукавана ТДА «Артлайнсіці»,
г. Брэст, вул. Карбышава, 74.
Арыгінал-макет падрыхтаваны
ТАА «Паліграфіка», зак. 494-2019.
Пасв. 2/2 ад 16.08.2013, пасв. 1/22 ад 16.08.2013,
вул. Кірава, 122, пам. 85, 224013, г. Брэст
тэл. (+375 162) 35-55-67, www.poligrafika.by

1-я с. вокладкі: ілюстрацыя **«Пряха»,**
художнік Віктар Брытвін
1-я і 4-я с. вокладкі: рушнік,
майстар Праскоўя Шляжко,
в. Рудня Івацевічскага раёна

У НУМАРЫ

80 лет Брестскому району

Свою судьбу самим определять!

15 января в РДК агрогородка Черни состоялось торжественное мероприятие «Край наш Прибужский», посвященное празднованию 80-летия Брестского района.

Председатель районного исполнительного комитета В.Г. Сенчук, А.Н. Бич и В.А. Мацука — почетные граждане Брестского района

На соседней странице: звание Почетного гражданина Брестского района было присвоено бывшему директору СГЦ «Западный» Александру Николаевичу Бичу (левое фото) и бывшему председателю Брестского райисполкома Владимиру Александровичу Мацуке

Председатель горисполкома А.С. Рогачук выступает с поздравительной речью

В холле и дискозале Дома культуры были развернуты тематические фотовыставки, представлены красочно оформленные экспозиции работ из территориального центра и воспитанников ДШИ, ЦВР, РДР. Гостей и участников мероприятия встречали живые статуи и персонажи далекой эпохи из музея «Усадьба Немцевичей». Бойко шли выездная торговля, выставки-продажи и дегустация продукции перерабатывающей промышленности, сельхозпредприятий и фермерских хозяйств района. Только на праздничную волну настраивало аудиторию в дискозале и выступление образцового инструментального ансамбля «Астрамечаўскія жаўрукі».

Еще более торжественный мотив мероприятию придали фильм-презентация о районе и выход на сцену образцового показательного духового оркестра Брестской Краснознаменной пограничной группы имени Ф.Э. Дзержинского под руководством подполковника Юрия Авсиевича.

Присутствовавших в зале гостей и участников праздничного мероприятия тепло и сердечно поздравил председатель районного исполнительного комитета Владимир Сенчук.

Он кратко остановился на основных этапах 80-летней истории Прибужского края, отдавая дань уважения и безмерной благодарности за ратный и трудовой подвиг защитникам, освободителям и труженикам-землякам, которым уже за семь лет удалось возродить народное хозяйство после нанесенного войной урона.

В советское время, как подчеркнул Владимир Григорьевич, в районе была создана мощная база, накоплен огромный опыт хозяйствования на земле. 150 передовиков района удостоены орденов и медалей.

В галерее славы района — четыре Героя Социалистического Труда: Лидия Ивановна Осиюк, Нина Петровна Дудчик, Лидия Дмитриевна Брызга, создавшая в 1987 году в районе клуб доярок-четырехтысячниц, и Галина Федоровна Скакун, доярка колхоза имени Жданова, лауреат Государственной премии БССР, заслуженный работник сельского хозяйства Республики Беларусь.

В историю Прибужья, бесспорно, золотом вписано имя Петра Ильича Климука, уроженца деревни Комаровка, космонавта, дважды Героя Советского Союза, трижды побывавшего на орбите Земли, а затем целиком посвятившего себя обучению покорителей космоса.

Владимир Сенчук зачитал поздравительную телефонограмму, которую накануне прислал Петр Ильич.

В числе тех, кем также по праву гордится район, — Герой Беларуси Петр Петрович Прокопович, малая родина которого тоже Комаровка. Именно благодаря усилиям и помощи Петра Петровича имеется сегодня в районе птицефабрика «Дубравский бройлер».

А в агрогородке Томашовка благодаря содействию земляков Петра Ильича Климука и Петра Петровича Прокоповича, помимо школы и детского сада, функционируют современный Дом культуры, гостиница, ресторан, торговый центр, физкультурно-спортивный комплекс «Звездный».

Слова благодарности за добросовестный, высокоэффективный труд, за весомый вклад в развитие и укрепление экономики и социальной сферы Прибужья прозвучали в адрес Леокадии Константиновны Грицко, Алексея Алексеевича Флорьяновича, Степана Григорьевича Радковца, Николая Ивановича Дугельного, Ивана Васильевича Прокопука, Ивана Михайловича Остапчука, Якова Адамовича Буховецкого, Алексея

Степановича Скакуна, Ивана Владимировича Бурды, Александра Николаевича Бича.

Безусловно, дополнительным импульсом укрепления экономики района стала реализация Государственной программы возрождения и развития села на 2005–2010 годы. В рамках этого документа в Прибужье было построено 11 агрогородков с обновленными объектами образования, здравоохранения, торгового и бытового обслуживания, жилыми домами усадебного типа, новой инфраструктурой.

Прибужье по праву является одним из динамично развивающихся районов Брестчины, экономика которого уверенно справляется с прогнозными показателями по важнейшим направлениям и производит 10% валовой продукции аграрного сектора области.

В прошлом году за достижение в 2018 году высоких результатов в сфере социально-экономического развития Брестский район был признан победителем и занесен на Республиканскую доску Почета. А по итогам республиканского конкурса, проведенного конфедерацией предпринимательства, Прибужье признано лучшим на Брестчине регионом для развития бизнеса.

Отрадно, что сегодня лучшие аграрные традиции достойно продолжают трудовые коллективы сельхозорганизаций района: акционерных обществ «Остромечево» под руководством Олега Анатольевича Бурака, «Агро-сада Рассвет» — Василия Петровича Женгловского, СГЦ «Западный» — Александра Михайловича Захаркевича, ТК «Берестье» — Николая Николаевича Долбика.

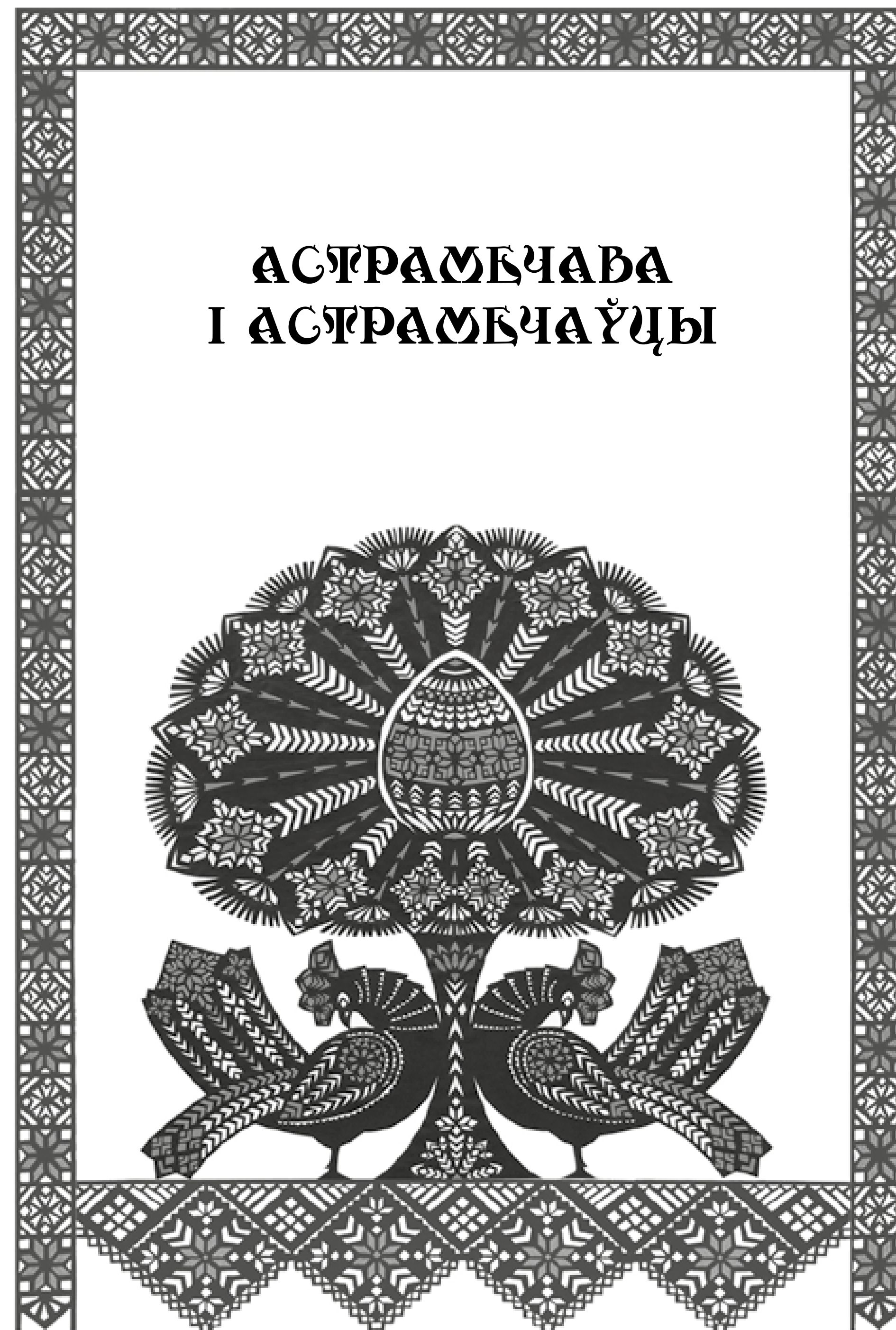
Кульминацией торжественной части праздника стала церемония награждения. Бархатные ленты с надписью «Почетный гражданин Брестского района», соответствующие удостоверения и цветы председатель Брестского райисполкома вручил Александру Николаевичу Бичу и Владимиру Александровичу Мацуке. Новые лауреаты этого высокого звания со сцены выступили с ответным словом.

За многолетний добросовестный труд, особый вклад в социально-экономическое развитие Прибужья и в связи с 80-летием образования лучшие труженики района были награждены Почетными грамотами районного исполнительного комитета, грамотами и Благодарственными письмами областного исполнительного комитета, Почетными грамотами районного и областного Советов депутатов.

Разделить радость праздника с аудиторией прибыло руководство Бреста во главе с мэром города Александром Рогачуком, а также член Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, председатель Жабинковского районного Совета депутатов Анатолий Витальевич Шалтонюк и делегация гостей из Республики Польша.

Концертную программу вечера открыла вокально-хореографическая композиция «Маленькая Родина» в исполнении Екатерины Вабищевич, солистов вокального ансамбля «Микст», танцевального коллектива «Дарунак» и хореографической группы Мотыкальской ДШИ. Далее продолжили концерт столичные артисты. Блистали на сцене яркий шоу-балет «Феерия», исполнительница народных хитов Ольга Любавина, талантливая певица Ольга Плотникова, не менее талантливый исполнитель Алексей Хлестов. Их номера тонули в бурных аплодисментах благодарных зрителей...

Григорий ЯРОМЧИК
Фото Павла БОГУША

8 Марта — Международный женский день

«Гвозди бы делать из этих людей: крепче бы не было в мире гвоздей!»

Заметки о жизни, деятельности и судьбе Виктора Герасимовича КОЗИЧА, первого заместителя директора ОАО «Остромечево», старейшего работника хозяйства

Виктор Герасимович Козич, о котором я попытаюсь рассказать, из плеяды тех людей, что составляют главную ценность духовного и человеческого капитала, накопленного за все годы существования ОАО «Остромечево». «Есть соль земли, есть сор земли» — писал популярный российский поэт Андрей Вознесенский. Слово «соль» в данном случае означает — суть, опора, надежда.

Жизнь и судьба старшего поколения династии Козичей — уроженцев Прибужья неразрывно связана с многострадальной историей родного края, судьбой Западной Белоруссии на самых тяжких и трагических их переломах, на всех этапах строительства новой жизни.

Труженики, земледельцы, страдальцы, солдаты, победители, патриоты — вот далеко не полный перечень определений подобных персон...

А если верить другому великому советскому поэту — Владимиру Маяковскому, то «Гвозди бы делать из этих людей: крепче бы не было в мире гвоздей!»

Исчерпывающая характеристика.

...Виктор Герасимович в общении не многословен. В суждениях краток и сдержан. Оценки происходящему дает четкие, выверенные, подтвержденные многолетним опытом хозяйствования на земле. Свою биографию пересказывает отрывочно, мимолетно, непроизвольно переходя на дела насущные, злободневные. Очевидно, что социалистический тезис «общественное выше личного» давно стал принципом жизни.

Родился в деревни Бусни Жабинковского района в семье сельского кузнеца, затем — заведующего фермой Герасима Яковлевича Козича. (К судьбе отца мы вернемся позже — ***авт.***). Учился в Буснянской, Рогознянской и Ленинской СШ. В первый класс не ходил вообще, сразу приняли во второй. Читать и писать научился самостоятельно, с детства наизусть знал лермонтовское «Бородино». В 16 лет стал самым молодым студентом зооинженерного факультета Гродненского сельхозинститута. После окончания вуза — служба в армии.

Трудовой стаж в Остромечево — четыре с лишним десятка лет. Начинал работу в колхозе главным зоотехником, нынче — первый «зам». А пришел сюда после армии по приглашению земляка из Бусней, одного из первых председателей, Михаила Васильевича Дулевича. И вот уже десятилетия Виктор Козич верен избранному делу. Вместе с хозяйством рос сам — и профессионально, и нравственно. Всегда старался быть самим собой — сыном своих родителей. И исповедовал главное жизненное правило: делай, как должно, а там пусть будет, как будет. Жена Татьяна Васильевна — тоже зоотехник, нынче она на пенсии. Вместе вырастили двух дочерей, воспитывают четверых внуков. Судьба всех их неразрывно связана с Остромечевом.

Говорят, что самое главное в человеке — происхождение, место, где появился на свет. Не согласиться трудно. И даже в названии родительской деревни «Бусни» можно усмотреть символический, сакральный смысл. Ведь слово «бусень» на местном, полесском наречии означает белорусское «бусел», а по-русски — «аист». Поэтому и притягательны эти места для рожденных в этом краю, и подобно буслам по весне возвращаются люди на родину всякий раз из самых дальних-предальних краев. И домашние гнезда тоже стараются вить поблизости...

Свои первые шаги в ипостаси главного зоотехника Виктор Герасимович вспоминает с легкой грустью — ностальгия! — и, мне показалось, с чувством удовлетворения и не показной гордости. Ведь ему, молодому руководителю, считай, главному животноводу, приходилось и стадо пасти за неимением пастухов, и коров доить, и корма на стареньком тракторе развозить. Самолично занимался и слесаркой, и сваркой, и дисциплинаркой... И в то же время осуществлял стратегию развития колхозного животноводства — нужно было перестраивать молочно-товарные фермы, создавать высокопродуктивное молочное стадо, вести селекционную работу, расширять кормовую базу, подбирать и обучать доярок и животноводов, осваивать современную технику и методы ведения хозяйства... А ветеринария с санитарией! А технологическая и производственная дисциплина! А интересы людей! Всего не перечесть...

Принципиально новый этап наступил, когда в Остромечево начал создаваться, а затем развиваться комплекс по откорму крупного рогатого скота. Одновременно строился будущий агрогородок. Рабочих рук, специалистов остро не хватало. Местная молодежь уезжала в областной центр, где возводились новые заводы... А надо было поднимать надои и привесы, получать более высокие урожаи, добывать полноценные корма, осваивать современную технику и технологии. И еще многое-многое другое...

Коллектив тружеников хозяйства целенаправленно пополнялся переселенцами из Столинского, Ивановского, Жабинковского и других районов Брестчины, приезжими из соседних областей Украины. Люди ехали с желанием плодотворно трудиться, с надеждой на получение благоустроенного жилья. И, конечно же, надежды эти сбывались. Нелегкая ноша перемен легла также на плечи «своих», местных.

Постепенно, года за годом, в колхозе реконструировали все пять молочно-товарных ферм, создали доильные залы, скот переведен на современные методы содержания, доения и кормления. Выращено высокопродуктивное молочное стадо. 28-35 литров ежесуточного надоя от одной коровы нынче — обычная практика. А ведь были времена, когда 10–12 литров от коровы считалось достижением... Сегодня животноводство — одна из самых прибыльных отраслей ОАО «Остромечево», а главный доход приносит продажа государству молока. Большую часть его получают сорта «экстра». Заслуга в этом главного зоотехника, заместителя директора, всего коллектива и руководства хозяйства — самая прямая.

Значительно шагнули вперед за прошедшие годы растениеводство, кормопроизводство, оснащение современной сельскохозяйственной техникой. Выросло новое поколение специалистов-профессионалов, руководителей сельхозпроизводства всех звеньев.

— То, что мы частенько наблюдаем в технологии молочного производства, бывая в поездках, скажем, в Германии, Польше, Израиле, в других западных странах — это давно забытое, наше советское «ноу-хау», — делился в беседе со мной Виктор Герасимович. — Еще в 70–80-х годах у нас на каждой молочно-товарной ферме практиковалось беспривязное содержание животных, применялись, в свое время, «елочки», «тандемы», «карусели». Шли методом проб и ошибок. Что-то осталось, от чего-то пришлось отказаться. На Западе многое у нас переняли, усовершенствовали... Теперь вроде бы за передовым опытом ездим... А ведь мы и сами с усами!!!

Свою роль в производственных достижениях ОАО «Остромечево» Виктор Герасимович оценивает скромно, а точнее — вообще предпочитает о ней умалчивать. Его-то и на традиционных фотографиях передовиков жатвы, героев трудовых участков и праздников, публикуемых в газетах и размещенных на стендах, как правило, отыскать трудно. Не любит позировать, быть на виду. Зато всегда при деле. Ежечасно. Каждодневно. Из года в год. Ведь звание «Заслуженный работник сельского хозяйства Беларуси», медаль «За трудовое отличие», Грамота ВДНХ и другие почетные награды и звания, которыми он удостоен за многолетний труд, просто так не даются. Не так ли?!

Почивать на лаврах ветерану недосуг. Тем более, что жизнь не стоит на месте. Встают новые задачи, а вместе с ними — непредвиденные проблемы. Вот и нынче происходит очередное укрупнение ОАО «Остромечево», присоединение отстающих, заведомо убыточных хозяйств и участков. Руководству приходится ломать голову, как все это пережить, потянуть... Как говорится, и в вечный бой, покой нам только снится...

«Да и кто, кроме нас?!!» — считают они.

Гродно, с/х институт, II группа зооинженерного факультета, 1976

Из семейного альбома **Виктора Козича**

С отцом (слева Герасим Яковлевич)
и с дедом (Яков Семенович), 1958 год

Студент, 1977 год

Армия, 1978 год

Козич Виктор (слева) с братом Сергеем, 1962 год

В кабинете, 2000 год

Отец Герасим Яковлевич и мама Софья Павловна

Бурак Олег Анатольевич с сыновьями на поле. 2000 год

С отцом (слева Герасим Яковлевич)
и с дедом (Яков Семенович), 1958 год

Из архива Михаила Губарева

Этапы большого пути

Фотохроника созидания

1 марта 1998 года, специалисты СКП «Остромечево»

При пересечении белорусско-украинской границы, 2000 год

На МТФ «Лыщицы», 1995 год

В кабинете А. С. Скакуна с делегацией, 1996 год

На МТФ «Кустын», 1998 год

Отчетное собрание СКП «Остромечево», 2001 год

Отчетное собрание СПК «Остромечево», 2006 год

Делегация Брестского района в гостях у председателя агрофирмы «Зоря», В. А. Плютинского. Украина, 2000 год

9 мая 2019 года, М. В. Дулевич (бывший председатель колхоза-комбината «Память Ильича»), В. И. Жукевич (бывший председатель Лыщицкого сельсовета), иерей Владимир Свидунович, настоятель храма святого Архангела Михаила аг. Остромечево

9 мая 2009 года, д. Малые Зводы Брестского района со специалистами участков Зводы и Лыщицы

Специалисты СПК «Остромечево», Бурда Иван Владимирович (бывший главный агроном), Бондаренко Сергей Павлович (начальник автопарка), Мозырчук Виталий Георгиевич (главный ветврач), Бинько Григорий Иванович (главный агроном), присел Самок Владимир Васильевич (инженер по МТ снабжению), 2005 год

Отцовская тетрадь со стихами

Признаюсь сразу: о том, что отец Виктора Козича — Герасим Яковлевич на старости лет пристрастился к поэтическому сочинительству, я узнал от самого Виктора Герасимовича. Вскользь намекнул: мол, на исходе лет отец увлекся стихотворчеством, свои мысли и прожитую жизнь в тетрадку начал записывать поэтическим слогом.

И вот эта тетрадь, а точнее — электронная копия, у меня на столе. Передал хороший знакомый семейства Козичей, главный архитектор ОАО «Остромечево» Михаил Губарев.

Я внимательно прочел. Изучил. Проникся. Перечитал еще и еще...

Но прежде, чем пересказать содержание этих необычных строк, уместно будет привести некоторые подробности судьбы старшего поколения Козичей.

...За точку отсчета примем предреволюционные годы. Полесский хлопец из захолустной прибужской деревушки Бусни Яков Козич на волнах Первой мировой войны каким-то образом попадает в Петербург. 1917 год. Сельчанин активно включается в революционное движение. Партийный билет члена ВКП(б) подписал — по словам Якова Семеновича — сам В.И. Ульянов-Ленин. Далее молодой революционер возвращается на родину. Здесь — панская Польша. Вернувшийся из Советской России Яков считается у местных властей неблагонадежным. Женится. Жена умирает рано от болезней. Сыновья Герасим и Сергей остаются сиротами. 1939 год — воссоединение Западной Белоруссии с БССР. 1941 год — нападение фашистской Германии на Советский Союз. Герасиму — всего 16 лет. Брату Сергею — чуть больше. А тут — немецкая оккупация...

Захватчики поставили Якову Козичу жесткое условие: либо ты собираешь у односельчан молоко для нас, либо заберем сыновей... Пришлось согласиться. На подводе вместе с сыном отец стал объезжать сельские хаты. Деваться было некуда. А старшего все-таки фашисты забрали. Говорят — расстреляли. Молочная эпопея продолжалась недолго: нагрянули партизаны, разбили фляги с молоком, сборщиков разогнали...

1944 год. Красная армия освободила Брестчину. Фашистов погнали на запад. Почти все молодые местные хлопцы, в том числе Герасим Козич, влились в ряды Красной Армии. В боях под Варшавой он был тяжело ранен. После госпиталя — снова в строю. Так как парень хорошо владел польским языком, до этого закончил 7 классов польской школы, то его использовали в качестве переводчика. С боями дошел до Берлина. Был награжден боевыми наградами — «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За отвагу», «За победу над фашистской Германией в Великой Отечественной войне». До 1947 года продолжает службу в Германии. Оттуда успешно поступает в Ленинградское военно-топографическое училище. Однако с третьего курса училища Герасима внезапно отчисляют... Оказалось, что кто-то из деревенских соседей Козичей написал донос: мол, они помогали фашистам во время оккупации Белоруссии...

Герасиму Козичу ничего не оставалось, как вернуться в родную деревню. Здесь он завел семью — женился. А не прошло и трех месяцев, как его вместе с отцом арестовали. Состоялся суд. 25 лет лагерей присудили отцу и сыну Козичам. Боевых наград фронтовика тоже лишили. Спустя много лет, Виктору Герасимовичу удалось прочесть приговор, где черным по белому было сформулировано обвинение его отцу и деду: «за пособничество немецко-фашистским оккупантом», «за измену Родине»...

Горьким оказалось то злополучное молоко. Тяжкими были незаслуженные обвинения. Горькой выпала этим людям судьба.

Отправили этапом несчастных достраивать печально известный Беломорканал. Перед этим у Якова Семеновича хотели также забрать его «ленинский» партбилет, однако тот его спрятал. «Я ленинский коммунист!» — во всеуслышание заявляя.

А в 1953 умер Иосиф Сталин. Козичей вскоре освободили. Как выяснилось, в их поведении во время оккупации... не было состава преступления... Невиновных задним числом оправдали. Но только годы, проведенные людьми за колючей проволокой, им, конечно, никто не вернул, перенесенные страдания не облегчил... Такое было непростое время.

Герасим Козич вернулся на родину, продолжительное время работал в местном колхозе кузнецом, заведующим фермой в совхозе «Рогознянский». Любил мастерить, возиться с внуками. Как-то приловчился класть печи — до сих пор сложенные мастером Козичем печи надежно служат жителям Остромечево, других деревень. Однако, наверное, слишком глубокими оказались душевные раны у человека, слишком горькой обида на перенесенную в прошлом несправедливость, на неосуществленные идеалы социализма. Нет, злобы на людей, на власть в его сердце не было, — считает сын. Просто, человеческой душе надо было исповедаться, перед кем-то покаяться, переосмыслить пережитое и происходящее. Поэтом и потянуло к поэтическому слову. Писал, как умел, как получалось. Ко дню рождения детей и внуков. К государственным праздникам. Стихи, посвященные жизни односельчан при панской Польше. В память фронтовых друзей и лагерных товарищей. Сочинял во время лечения в Боровлянах. В санатории. — О Сталине. О Победе. О колхозной жизни. О чиновничьем бездушии. О любви. Пробовал сочинять на местном, полесском наречии. Порою нескладно, наивно, коряво, по-дилетантски — но честно. Поэтому перед нами — исповеди. Воспоминания. Отголоски военной поры. Документы грозной эпохи. Свидетельства трагичного времени. Размышления о непростом дне сегодняшнем.

Накопилось почти 200 страниц печатного текста.

Возможно, не все написанное этим человеком подходит в печати, так как требует стилистической правки. Но он и не рассчитывал на какую-либо публичность, писал для себя и родных. Близкие не считают необходимым что-либо исправлять, или предавать широкой огласке «вольные» сочинения Герасима Яковлевича, ушедшего из жизни в 2012 году, в возрасте 82-х лет. Возможно, они правы.

Вот коротенькие выдержки из стихов Герасима Козича на военную тематику:

***

Но вдруг над нашими полями
Тридцать девятый год настал.
И распрощались мы с панами,
Наш край Полесский вольный стал.
Фашисты Польшу вдруг разбили.
Советы нас освобождали.
И все паны, что здесь то жили,
За Буг к фашистам побежали.

***

Сижу за столом, вспоминаю
Тех сельчан, что погибли в войну.
Всех их помню, и семьи их знаю.
Вместе мы защищали страну.

***

Нелегкая нам выпала доля.
Клеветы мы терпели гоненья.
Но на то была Божья воля
И хватило на все нам терпенья.

***

Всех, кто не вернулся,
мы не забываем.
Девятое мая — день скорби о них.
А праздник то наш, кто уже доживает.
Мы чтим всех погибших, как наших
святых.

***

И все, что мы завоевали,
Не многим нравится сейчас.
Ведь побежденные жить стали
На много-много лучше нас.
Но мы на праздник этот в мае
Пойдем на митинг, кто живой.
Там нам фамилии прочитают
Покрытых славой фронтовой.

***

Видно дело не в богатстве,
А в мозгах, кто правит нами,
То богато государство,
Где в правительстве — с умами.

Лично меня из всего прочитанного в этой рукописи глубоко тронул, по сути, документальный фрагмент об отчаянной атаке солдат-штрафников на фашистские позиции под Варшавой в районе станции Варка. Герасим Козич был участником этого боя. Как описывает (в стихах) автор, позади наступавших находились автоматчики заградотряда, готовые стрелять в своих, если те побегут назад... Жестокая правда войны.

Лег в душу также эпизод, где фронтовик Козич в одном из освобожденных польских домов города Вжесня, что под Познанью, увидел себя на фотографии с паненкой, с которой в детстве сфотографировался в своей деревушке во время летних каникул дивчины... Узнал и ее саму. Реальный факт биографии.

А вообще я считаю, что поэтический «дневник», так же как и вся жизнь Герасима Яковлевича Козича, — еще одно сильное и яркое свидетельство несокрушимой твердости духа, бесконечного терпения, трудолюбия и мужества белорусов. Их веры в светлое будущее, веры в ПРАВДУ и СПРАВЕДЛИВОСТЬ. Обреченные на тяжелейшие условия жизни в довоенных и послевоенных колхозах, в условиях фашистской оккупации, жестоких фронтовых сражений, послевоенной разрухи эти люди — а их сотни тысяч — не только сохранили достоинство, чистую совесть, доброе, отзывчивое на чужую беду сердце, но и глубокую самоотверженную любовь к своей родине, окружающим, порученному делу. Любовь, которая в тяжкий для страны час позволила им выстоять, не сломаться, остаться в живых...

Действительно — гвозди бы делать из этих людей: крепче бы не было в мире гвоздей!

Александр ВОЛКОВИЧ,
член Союза писателей Беларуси

Аўтар: А. А. Дерунова

Прыказкі, прымаўкі, лічылкі, хуткагаворкі, дражнілкі для дзяцей

ПРЫКАЗКІ І ПРЫМАЎКІ

- Зімой сонца свеціць, ды не грэе.
- Зіма на лета працуе, а лета на зіму.
- Пакармі птушак зімою, яны адплацяць вясною.
- Багата снегу — багата хлеба.
- Зімовы дзянёк — што камароў насок.

Прымаўкі пра ежу

- Памаўчы, язычок, калі ясі, а не памаўчыш — трасцу з'ясі.
- Галоднай курцы зярнятка на думцы.
- Як не пад'ясі, дык залатую карэту прадасі.
- Галоднаму цыганы сняцца.
- Як маем, так ужываем.
- Гора было ваша, што перапрэўшы была каша, — цяпер бы з'елі й такой, да няма ніякой.
- Нюхай, ды не рухай.
- Прыйшлі вестачкі, што хочацца естачкі.
- Спадзяваўся дзед на мёд, ажно і без вады спаць лёг.
- Не ліжы таўкача — лысы будзеш.
- На пузе шоўк, а ў пузе шчоўк.
- Чужы хлеб смачнейшы.
- Ашчандзаўся, ашчандзаўся: хлеб з'еў, а квас астаўся.
- Сядзі, баба, да вечара, табе бліноў напечана.
- Хто бульбы не з'еў, той галодны чалавек.
- Без капусты жываты пусты.
- Кошкі мяса ядуць, табе косці аддадуць.
- Есць як кот: колькі важыць, столькі і з'есць.
- Лішняга і свінні не ядуць.
- Не мёд усё тое, што соладка.
- Смачнае не пераясі і чыстае не пераходзіш.
- Пераборны заўсёды галодны.
- Хто перабірае — з голаду памірае.
- Не дарага ежка, дарага пацешка.
- Хоць без пацешкі, але ў сподачку.
- Абед не ў даед.
- Абед не ўцячэ, з'ясце.
- Хто есць нажом, той з'есць ражон.
- Хто пад'еўшы, не аддыша, таго Бог за свінню запіша.

Загадкі на зімовую тэматыку

Хто гэта ў бярвенні
Зімою страляе?
Каго ніхто ў хату
К сабе не пускае?
(Мароз)

Ляціць — маўчыць,
Ляжыць — маўчыць,
А як памрэ — дык зараве!
(Снег)

Без голасу — а вые,
Без рук — а абрусы сцеліць.
(Завіруха)

У гэтай знаёмай хаціне малой,
Хоць ёсць і цяпло і згода,
Чатыры браты разам жывуць,
А пяты асобна заўсёды.
(Рукавіцы)

ПРЫМАЎКІ ПРА МЕСЯЦЫ

Студзень — году
пачатак, зіме палавіна.
Студзень хаты студзіць —
рана гаспадароў будзіць.
Студзень пагодны —
будзе год плодны.

Прыйдзе люты —
спытае, як абуты.
Віхры ды мяцелі
ў лютым наляцелі.

Сакавік часам
снегам сее,
а часам сонцам грэе.
Сакавік дрэвам сок
пускае.

Красавіцкі ручай
зямлю будзіць.
Сонейка з красавіцкай
горкі ў лецейка
коціцца.

Май зямлю грэе,
а сіверам вее.
Мокра ў маі — будуць
пышныя каравеі.
У травень будзе
мужык управен.

Чэрвень не гуляе —
ураджай люляе.
Чэрвень сухі —
плюнь на баравікі.

Ліпень пякучы,
але даручы.
Ліпень косіць і жне,
доўга спаць не дае.

Кожная хата
ў жніўні багата.
Што ў полі ўродзіць,
жнівень знаходзіць.

Як настаў верасень,
дык туман
кожны дзень.
У верасні ліст на
дрэве не трымаецца.

У лістападзе кладзі
капусту ў кадзі.
У лістападзе гола
ў садзе.

Кастрычнік ходзіць
па краю ды гоніць
птушак з гаю.
Кастрычнік зямлю
беліць, а лес залоціць.

Снежань зіму пачынае,
а год скончае.
Снежань зямлю
грудзіць,
хаты студзіць.

ХУТКАГАВОРКІ

- Адна сарока, адна марока, сорак сарок, сорак марок.
- Вылецеў сьмецюх з-за смецюшаня.
- Гаварыў, гаварыў, не дагаварыў, дагаварыў, дагаворваў, ды загаварыўся.
- Гарох лапаціцца, чачавіча квохча, мак шуміць.
- Дзе цётчынаму дзьдзьку дзецца.
- Дзяды і дзядзькі на дзядзінцы дзялілі дзялянкі.
- Дзятлы дзюбамі дзяўблі дзеравіну.
- Жабрак жабрака жабраваць вучыў.
- Жалеза выжалезілася, калясо выкалесілася.
- Ішоў кныр з кныранятамі.
- Ішоў поп каля коп, каля коп, каля калук капліцы.
- Ішоў поп каля коп, каля капы, каля паўкапы.
- Каваль каваў каня, конь кавалю капытом, каваль каню калом.
- Каласы каласавалі, каласавалі, выкаласавалі.
- Калясо выкалесілася, жалеза выжалезілася, палукашак выпалукашыкаваўся, агонь выагняваўся.
- Калясо калесавалася, калесавалася, выкалесавалася, перавыкалесавалася.
- Каля кавалёвае кузьні ходзіць кныр з кныранятамі
- Каля ямы з кіямі, з кіямі каля ямы.
- Каму па каму, а каму і два камы.
- Капылы перакапылілі, перавыкапылілі.
- Карл у Клары ўкраў каралы.
- Клюйце, куры, крупы каля ступы.
- Крывая цяцера просту крывіць.
- Лавіў рыбак судака, судак лавіў рыбака: лоўка, рыбак, ловіш — судаку сорам робіш.
- Лезь, залезь, залезшы, зьлезь.
- Лянок ня любіць лянот, лынот на любіць лянок.
- Мы бачылі бабра, і нам сказаў бобра, што нам будзе добра.
- На дварэ — трава, на траве — драва.
- Намётка ў прачкі, сарочка ў швачкі.
- Пад вываратнямі вавёрка ўе вяроўкі вёртка.
- Палукашак выпалукашываўся, перавыпалукашыкаваўся.
- Паслалі сабаку па табаку — ані сабакі, ані табакі.
- Пекар Пётр пёк пірог.
- Перапілі, пераелі, пералушчылі, перапаролі, перамалолі, ператрушчылі.
- Піліп да ліпы прыліп, да ліпы прыліп піліп.
- Пільшчыкі-пілавальшчыкі пілавалі піламі.
- Рапартаваў, рапартаваў, ды не дарапартаваў, стаў дарапартоўваць, ды зарапартаваўся.
- Руды гарбаты Рыгор гроб грыбы граблямі.
- Стаяў поп каля коп, а каля папа капа.
- Стругаў, стругаў, не дастругаў, стаў дастругваць — перастругаў.
- Ткач тчэ тканіну на хустку Антаніне.
- Трактарыст, прычапі прыцэп да трактара.
- Трухлявую дзеравіну дзятлы дзяўбуць дзюбамі.
- Тры дрывасекі, тры дрываколы на трох дварах дровы колюць.
- Тры чарты карчавалі карчы, карчавалі, выкарчоўвалі, панавыкарчоўваліся.
- Трыццаць тры дрывасекі трыццаць тры дрывотні надрывасечылі.
- Уцякай, цецяручыха, зь цецяручанятамі.

- Цецяручыха цецяручанятам цеста месіць.
- Цярпеньня няма цяпер церці цярніцаю лён.
- Чацьвер, чацьвёртае чысло.
- Што б я калі дзе што-небудзь якое, а то я ніколі, нідзе, нічога, ніякага.
- Я нікому ніколі нічога ніякага, а калі што якое, дык што там такое?

ЛІЧЫЛКІ

- Раз, два, тры, чатыры,
  Кошку грамаце вучылі:
  Не чытаць, не пісаць,
  А за мышкамі скакаць.
- Сядзіць немец на паліцы,
  Лічыць дзеці на вуліцы:
  Айн, цвай, драй —
  Міша, вылятай.
- Сядзіць зайчык на прыпечку,
  Лічыць дзяцей па-нямецку:
  — Сьцяпан, Лявон,
  Выйдзі вон.
- Пярвеньныкі, Другеньчыкі, Кругі,
  Другі, Вон!
- Пярвеньчыкі, Бярвеньчыкі,
  Я шышаў, Ты выйшаў!
- Семь семярэй,
  І сямёра сьвіней.
  Сьвінка і сьвінчын брат,
  І сямёра парасят.
- Бег сабака цераз мост,
  Чатыры лапы пяты хвост.
- Саломінка, Яромінка
  Прэла, Гарэла,
  На мора Ляцела.
  Касьцюк, Масьцюк,
  Радзівон, Пайдзі вон.
- Чыкі-чыкі-чыкарок,
  Паня, Фёдар-Федарок.
  Тлела, гарэла, замуж хацела.
- Бочка-грэчка,
  Выкінь чалавечка.
- Пятро, Пятро,
  Падай вядро.
  Карове піць,
  Табе жмурыць.
- Кацілася торба
  Зь вялікага горба.
  А ў той торбе Хлеб, паляніца,
  Зь кім ты хочаш Падзяліцца?
- Кацілася торба
  З высокага горба,
  У гэтай торбе Хлеб і рыс,
  З кім ты хочаш, З тым дзяліс.
- Эна, бэна, рэсь,
  Кэнтар, мэнтар, жэсь,
  Эна бэна, раба,
  Кэнтар, мэнтар, жаба.
- Эні-бэні, тры канторы,
  Сахар, махар, паміноры,
  Ас, бас, кіслы квас,
  Выбірайся, чорт, ад нас.
- Жыў-быў цар, У цара быў сад,
  У саду быў пруд,
  У пруду быў рак,
  А хто слухае, той дурак.
- Эні, бэні, тры капторы,
  Мы спаймалі ў лесе вора,
  Сталі думаць і гадаць,
  Як нам вора пакараць.
  Мы звязалі рукі, ногі
  І пусцілі па дароге.
  Хто ні едзе, хто ні ідзе,
  Па капеечцы кладзе.
  Нам капеечка не нада,
  Зажмурыцца вору нада.
- На стале ляжала міна,
  Па-нямецку гаварыла: —
  Энік, бэнік, шмык,
  Выйдзі, маленькі мужык.
- Ходзіць сьвіння па двару
  І шукае лебяду,
  А за сьвіннёй стары дзед,
  Таму дзеду сорак лет.
  Сорак, сорак, пяцьдзесят,
  Выйшаў дзедушка-басяк.
- Ехаў жаўнер з бальніцы,
  Знайшоў белы рукавіцы.
  Думаў, думаў, куды дзеці
  Лепш на ручаньку надзеці.

- Рэльсы гнуцца, рэльсы гнуцца,
Пад мастом паны дзяруцца,
Адзін маленькі панок
Удзірае без парток.
А назаўтра рыбакі
Прывязьлі яму парткі.
А ён дзякуй не сказаў,
Толькі дулю паказаў.
- Апанас, Апанас!
Твая жонка у нас
Увалілась у квас,
Лаві сем год нас!
- Ішоў кот праз сто варот,
Дайшоў да канца,
Знайшоў кацяня. Мяў!
- — Круціцеся, жорны,
З'едзен хлеб наш чорны:
Крысін і Марысін,
Грунін і Анісів,
З'едзен і Пятроў хлябок.
Намялі для іх, дзядок.
- Курыца-квактуха
Вадзіла дзяцей
Каля кляцей.
Квох — сесьці
На красным месці,
Яечка зьнесці.
- — Заяц-месяц,
Дзе ты быў?
— У лесе.
— Што рабіў?
— Лыкі драў.
— Куды клаў?
— Пад калоду.
— Выйдзі вон із карагоду!
- Раз, два — рукава,
Тры, чатыры — нос у чарніле,
Пяць, шэсьць — кашу есьць,
Сем, восем — сена косім.
- Раз, два — кружава,
Тры, чатыры — пачапілі,
Пяць, шэсьць — кашу есьць,
Сем, восем — сена косім,
Дзевяць, дзесяць — грошы весіць.
Грош згубілі, два знайшлі —
У карчму ўсе пайшлі:
Чай п'юць, кубкі б'юць,
На стол грошыкі кладуць.
- Раз, два, тры, чатыры,
Мяне грамаце вучылі:
Не чытаць, не пісаць,
Толькі поплясы скакаць.
Я скакала, я скакала,
Сабе ножаньку зламала.
- Раз, два, тры, чатыры, пяць,
Выйшаў зайчык пагуляць,
А за зайцам шэры воўк,
Воўк у зайцах знае толк.
- Раз, два, тры, чатыры,
Пяць, шэсьць, сем, восем,
Мы, цябе, стукач, папросім.
- Раз, два, тры, чатыры, пяць,
Шэсьць, сем, восем, дзевяць, дзесяць,
Цар казаў, мяне павесіць,
А нядоўга я вісеў:
Вецер дунуў — я зьляцеў.
- Я сядзеў, чытаў газэту,
Нехта выпусьціў ракету.
Раз, два, тры —
Гэта, верна, будзеш ты.
- Едзе брычка, званок звоне,
Выйшла пані лічыць коні:
— Раз, два, тры,
Выйдзі, малы, ты.
- Стаяла машына
Каля канторы,
Нумар дзявяты —
Выйдзі, пузаты.
- Ані-бані, што пад намі,
Пад жалезнымі стаўпамі?
Сіта, пліта, квас,
Адыдзі, дурак, ад нас.
- Нітачка, іголачка,
Ці-ці-ці, Уляці.
- Стакан, лімон,
Выйдзі вон!
Стакан вады,
Выйдзі ты!
Стакан заваркі,
Выйдзі без сваркі.
- Бегла курка па таку,
Па зялёным табаку,
Ела цукар і мядок,
Адчапіся, каралёк.
- Хадзіў бусел па балоту,
Ён шукаў сабе работу.
Шукаў, шукаў, не знайшоў
І заплакаў дый пайшоў.
- Ішоў Ціхан па масту,
Праваліўся ў ваду.
Бульк!
- Ішла кошка па раялі,
Наступіла на педалі
І запела:
До, рэ, мі,
Фа, соль, ля, сі,
Што украла — прынясі.
— Я украла каўбасу,
Заўтра рана прынясу.
- Ішла кукушка міма сеці,
А за ёй пішчалі дзеці.
Кук-мак, кук-мак,
Выбірай адзін кулак.
Ку-ку, ку-ку,
Прынімай адну руку.
- Выйшла курыца з-пад сеці,
А за ёю — злыя дзеці.
Кох-кох, адзін здох.
- Шла квактуха міма сеці,
Сама села на павеці.
Кох-кох-кох,
Адзін цыплёнак здох.
- Цынцы-брынцы, два кальца
Выстругалі малайца,
На сьвятой нядзельцы
Зьдзелалі кацельцы,
Кадельцы упалі,
На кузню сказалі.
Кузня божыцца:
Не я, Балалаечка мая.
Балалаечка-гудок,
Разваліўся мой дамок.
- Ішоў баран па бару,
Ірваў капусту, лебяду.
Што сарве, то у пучок,
Выйдзі вон, дурачок.
- Бег сабачка-галашыйка,
У яго борачка на шыйке.
То не борка — ланцужок,
Выйдзі, міленькі дружок.
- Бег зай па бару,
Абіраў лебяду.
Рваў, клаў у пучок,
Выбірайся, ваўчок.
- Чэрці ў возеры купаліць,
Чэрці рожкамі штурхаліс,
Чорт чарцёнка штурхануў
І чарцёнак патануў.
- А ты, коцік, не гуляй,
Начовачкі прыбірай!
Начовачкі ськлізкі,
Вядзёрачкі блізкі.
Круг абарваўся,
А ты так астаўся.
- Тарана, тарана,
Купіў бацька барана,
Да не скобленага,
Да не доенага.
Матка даіла,
Даёнку пабіла.
- — Хто не ўмеець гараць,
Таму хлеба не даць,
Ні капусты, ні бацьвінні
Хай пасець у полі сьвінні.
Яму сьвінні дакучылі,
Хутка гараць навучылі.
- Беглі коні пад мастамі
З залатымі капытамі.
Дзінь-бразь,
Выйдзі, князь!
- Сава, соўка,
Маладая ўдоўка,
Сядзіць на павеці,
Люба паглядзеці:
Сама шэранькая,
Дзюбка доўгенькая.
Дзінь-бразь,
Выйдзі, князь,
Не забудзь дзіця.

Літаратура:

«Сьвяці, сьвяці, сонейка», Мінск, «Юнацтва», 1994; «Ходзіць жораў па таку», Мінск, «Навука і тэхніка», 1993.

Курачка-рабка

Жыў дзед, жыла бабка. Была ў іх курачка-рабка. Нанесла курачка яечак поўны падпечак. Сабрала бабка яечкі ў чарапіцу ды паставіла на паліцу. Мышка бегла, хвосьцікам махнула, чарапіца ўпала, яечкі пабіліся.

Плача дзед, плача бабка, курачка кудахча, вароты скрыпяць, трэскі ляцяць, сарокі трашчаць, гусі крычаць, сабакі брэшуць.

Ідзе воўк:

— Дзедка, бабка, чаго вы плачаце?

— Як жа нам ня плакаць? Была ў нас курачка-рабка. Нанесла курачка яечак поўны падпечак. Сабрала бабка яечкі ў чарапіцу ды паставіла на паліцу. Мышка бегла, хвосьцікам махнула, чарапіца ўпала, яечкі пабіліся.

І воўк завыў.

Ідзе мядзьведзь:

— Воўк, чаго выеш?

— Як жа мне ня выць? Жыў дзед, жыла бабка. Была ў іх курачка-рабка. Нанесла курачка яечак поўны падпечак. Сабрала бабка яечкі ў чарапіцу ды паставіла на паліцу. Мышка бегла, хвосьцікам махнула, чарапіца ўпала, яечкі пабіліся. Плача дзед, плача бабка, курачка кудахча, вароты скрыпяць, трэскі ляцяць, сарокі трашчаць, гусі крычаць, сабакі брэшуць... А я брахаць ня ўмею, дык і завыў.

Выслухаў мядзьведзь казку і адарваў сабе хвост.

Так з таго часу і жыве з куртатым хвастом.

Баран бок абадран

Быў раз дзед, а ў таго дзеда баран. І захацеў той дзед зарэзаць свайго барана. Толькі пачаў рэзаць, трошкі бок абадраў, а баран усхапіўся ды ўцёк і схаваўся ў лісіную норку.

Прыйшла ліса ў норку, ажно там нехта сядзіць. Спужалася лісіца і пытаецца:

— Хто там?

А баран ёй адказвае:

— Я баран, бок абадран, чатыры нагі, два рагі, — як дам рагамі, дык ты паляціш уверх нагамі!

Лісіца спужалася і пабегла ваўка прасіць.

— А воўчанька ты мой, а кумочак мой, — хадзі, памажы маёй бядзе, паглядзі, хто гэта ў мяне ў норцы сядзіць.

Паслухаў воўк лісу, пайшоў зь ёю ў нару выганяць барана. Прыйшоў, ды сап, сап — носам нюхае.

— Хто там?

— Я баран, бок абадран, чатыры нагі, два рагі, — як дам рагамі, дык ты паляціш уверх нагамі!

Воўк спужаўся ды ўцёк. Пайшлі яны зь лісіцай ды к медзьвядзю, пачалі медзьвядзя прасіць:

— Мядзьведзінка, бацінка, — хадзі, памажы нашай бядзе, паглядзі, хто гэта ў лісінай норцы сядзіць.

Паслухаў мядзьведзь, пайшоў зь імі да норкі, прыйшоў, ды пытаецца:

— А хто там?

А баран яму:

— Я баран, бок абадран, чатыры нагі, два рагі, — як дам рагамі, дык ты паляціш уверх нагамі!

Мядзьведзь спужаўся, ды ўцёк. Ідуць яны, ідуць каля саду, ды бачаць — ляціць пчолка. Давай яны гэтую пчолку прасіць.

— Пчолка, душачка, — хадзі, паглядзі, хто гэта ў лісінай норцы сядзіць.

Паляцела пчолка зь імі, прыляцела і пытаецца:

— А хто там?

— Я баран, бок абадран, чатыры нагі, два рагі, — як дам рагамі, дык ты паляціш уверх нагамі!

А пчолка ня спужалася, — у норку, ды давай кусаць барана за абарваны бок.

Баран спалохаўся, выскачыў з норкі, ды давай уцякаць.

Вол

Быў сабе вол, баран, гусак і пеўнік. Надыходзіла зіма, дык вол кажа:

— Ведаеце што? — зіма надыходзіць, холад будзе, — пастаўма хатку.

Дык тыя на яго як напалі:

— Выдумаў ліха знае што! Дык стаў сам, калі такі майстра. У нас ёсьць пер'е, у барана — воўна, то й не памерзьнем.

— Ну, як сабе хочаце, а я сваё зраблю.

Як тыя пайшлі, вол паставіў хатку, нанасіў сена, саломы й ляжыць сабе, як пан.

Вось надыйшла зіма з марозам. Прыбягаюць да яго пеўнік, баран і гусак.

— Пусьці нас, дзядзька, у хатку, бойся Бога, такі мароз, мы памерзьнем!

А гусак падняў ножку й кажа:

— Бач, дзядзька, якія ў мяне ножкі чырвоныя! — зараз паадпадаюць.

— А вы, — кажа вол, — гультаі! Ня пушчу! Як хаткі, дык няма каму паставіць, а як пагрэцца, то ёсьць каму!

Але тыя як пачалі лемантаваць, прасіцца: «А мой дзядзечка, а мой ты такі, а мой сякі, а мой гэтакі!» — вол пашкадаваў і пусьціў. Дык пеўнік зараз палез на печ грэцца, гусак ходзячы па хаце ўсё тупоча, каб ногі разагрэць, баран лобам у сьцяну лупіць — грэецца, а вол есьці ім варыць.

Ано ж прыходзіць воўк, адчыняе ад хаткі дзьверы, а баран як вытне яму раз лобам, як не папраівць; гусак давай шчыпаць, вол рагамі, а певень на печы спалохаўся і ўсё крычыць: «Ка-ка-рэку». Воўк як панясецца наўцекі да сваіх і кажа:

— А мае ж вы браткі, мае саколікі, гэта ж у лесе кавалі хатку паставілі — паўнютка кавалёў! Як увайшоў, дык адзін як даў мне молатам, другі віламі зялезнымі, а трэці давай шчыпцамі ціснуць, а яшчэ адзін нейдзе зь печы ўсё крычыць: «Ды падавайце ж мне яго сюды! Ды падавайце ж мне яго сюды!» Мала я не абамлеў. Маю я шчасьце, што гэтак ня было, бо, каб ня дай Божа, дык той, зь печы зьлезшы, чыста зь мяне скуру зьдзёр бы.

Алёнка

Жылі дзед і баба. І была ў іх дачка Алёнка. Ды ніхто з суседзяў не называў яе па імені, а ўсе звалі Крапіўніцай.

— Вунь, — кажуць, — Крапіўніца сваю Сіўку павяла пасьвіць.

— Вунь Крапіўніца з Лысуном у грыбы пайшла.

Толькі і чуе Алёнка — Крапіўніца ды Крапіўніца...

Прыйшла яна аднойчы дадому з вуліцы і скардзіцца матцы:

— Чаму гэта, мамка, ніхто мяне па імені не называе?

Маці ўздыхнула і кажа:

— Таму, дачушка, што ты ў нас адна: няма ў цябе ні братоў, ні сясьцёр. Расьцеш, як тая крапіва пры плоце.

— А дзе ж мае браты і сёстры?

— Сясьцёр у цябе, — кажа маці, — няма, гэта праўда, а братоў было тры.

— Дзе ж яны, мамка?

— Хто іх ведае. Як я цябе яшчэ ў калысцы калыхала, паехалі яны ў сьвет зь лютымі Зьмеямі-Цмокамі ваяваць, сабе і людзям шчасьце здабываць. З таго часу і не вярнуліся...

— Дык я пайду, мамка, шукаць іх — не хачу, каб мяне Крапіўніцайназывалі!

І як бацька і маці ні адгаварвалі яе, — нічога зрабіць не маглі. Тады маці і кажа:

— Адну цябе я ня пушчу: малая ты яшчэ для такой дарогі. Запрагай Сіўку і едзь. Сіўка наша старая, разумная — яна завязе цябе да братоў. Ды глядзі, нікуды нанач не заяжджай: едзь як дзень, так ноч, пакуль братоў ня знойдзеш.

Запрэгла Алёнка Сіўку, узяла хлеба на дарогу і паехала. Выехала за вёску, бачыць — бяжыць за возам і стары іх сабака Лысун. Хацела Алёнка назад яго прагнаць, ды перадумала: няхай бяжыць — весялей будзе ў дарозе.

Ехала яна, ехала — прыехала да перакрыжаваньня дарог. Сіўка спынілася, назад паглядае. Алёнка пытаецца ў яе:

Заржы, заржы, кабыліца,
Скажы, скажы мне, Сівіца:
На якую дарогу цябе кіраваць,
Дзе мне родных брацейкаў шукаць?

Тут Сіўка галаву ўзьняла, заржала, на левую дарогу паказала.

Алёнка пусьціла яе па левай дарозе. Едзе яна чыстымі палямі, едзе цёмнымі барамі. Прыехала на сутоньні (зьмяркальні) ў вялікую пушчу. Бачыць — стаіць у пушчы пры дарозе хатка. Толькі Алёнка даехала да хаткі, як выбегла адтуль нейкая гарбатая кабеціна з доўгім носам. Спыніла Алёнку і кажа ёй:

— Куды ты, неразумная, едзеш супраць ночы? Цябе тут ваўкі зьядуць! Заставайся ў мяне — пераначуеш, а заўтра повідну паедзеш.

Пачуў гэта Лысун і зацяўкаў пациху:

Цяў, цяў!
Не казала маці
Ночак начаваці!..
Цяў, цяў!
Не кабета гэта
З табой размаўляе, —
Ведзьма Бабарыха
Злыя думкі мае...

Не паслухала Алёнка Лысуна, засталася начаваць у хатцы.

Распытала ведзьма Бабарыха ў Алёнкі, куды яна едзе. Алёнка ўсё расказала. Ведзьма ад радасьці аж падскочыла: браты Алёнчыны, думае яна, напэўна і ёсьць тыя асілкі, якія ўсю радню яе ізь сьвету зьвялі. Цяпер яна зь імі расправіцца...

Назаўтра ведзьма ўстала, прыбралася, як на кірмаш, а ўсё Алёнчына адзеньне схавала і будзіць яе:

— Уставай, паедзем братоў шукаць!

Устала Алёнка, глядзіць — няма адзеньня...

— Як жа я паеду? — бядуе Алёнка.

Прынесла ёй ведзьма старыя жабрацкія рызманы.

— На, — кажа, — добра табе будзе і такое адзеньне.

Адзелася Алёнка, пайшла Сіўку запрагаць.

Узяла ведзьма нож і таўкач, села ў палукашак, як пані, а Алёнку за хурмана пасадзіла.

Едуць яны, а Лысун бяжыць збоку ды цяўкае:

Цяў, цяў!
Не казала маці
Ночак начаваці!..
Цяў, цяў!
Ведзьма Бабарыха
Паняю сядзіць,
На цябе, Алёнка,
Гадзінай глядзіць...

Пачула гэта ведзьма Бабарыха, схапіла таўкач і шпурнула ў Лысуна. Лысун заенчыў — перабіла яму ведзьма нагу. Алёнка заплакала:

— Бедны, бедны Лысун, як жа ты цяпер без нагі будзеш бегчы!..

— Сьціхні, — пагразіла ёй ведзьма, — а то і табе так будзе!

Едуць яны далей, а Лысун не адстае, на трох нагах скача. Даехалі да новага перакрыжаваньня. Сіўка спынілася. Алёнка пытаецца ў яе:

Заржы, заржы, кабыліца,
Скажы, скажы мне, Сівіца:
На якую дарогу цябе кіраваць,
Дзе мне родных брацейкаў шукаць?

Сіўка заржала, на правую дарогу паказала.

Цэлую ноч ехалі яны цёмнаю пушчай па правай дарозе. Раніцай выехалі на луг, бачаць — перад імі шаўковы шацёр стаіць, а каля яго трое жарабкоў пасецца. Сіўка весела заржала і павезла Алёнку зь ведзьмай проста да шатра.

Алёнка зарадавалася:

— Гэта тут напэўна мае браты жывуць!

Ведзьма злосна цыкнула на яе:

— Маўчы лепш. Тут жывуць не твае браты, а мае!

Пад'ехалі да шатра. Выходзяць адтуль тры статныя хлопцы-малайцы — твар у твар, волас у волас, голас у голас.

Ведзьма саскочыла з возу і да іх:

— Як маецеся, браткі? Я ўвесь сьвет звандравала, сваю галоўку стурбавала, усё вас шукала...

— Дык гэта ты наша малодшая сястра? — пытаюцца браты-асілкі.

— Але, — кажа ведзьма, — ваша родная сястра...

Кінуліся браты да яе, давай цалаваць, на руках падкідаць. Так рады, што і сказаць ня можна.

— Бач, — дзівяцца яны, — як доўга мы ваявалі: сястра за гэты час ня толькі вырасла, а і пастарэла... Ну, ды нічога: усіх ворагаў мы пазьнішчалі; засталася толькі адна ведзьма Бабарыха.

Як знойдзем яе — спалім і тады дахаты паедзем.

Пачула гэта ведзьма, і аж ухмыльнулася: цяпер паглядзім, хто каго спаліць!..

— А якая гэта, сястрыца, дзяўчынка з табою прыехала? — пытаецца старэйшы брат.

— Гэта мая наймічка, — адказала ведзьма Бабарыха. — Яна ў мяне за хурмана езьдзіць і маю кабылку пасе.

— Добра, — кажуць браты, — яна і нашых коней пасьвіць будзе.

Павярнулася ведзьма, гукнула срогім голасам да Алёнкі:

— Чаго сядзіш? Выпрагай Сіўку ды вядзі пасьвіць!

Заплакала Алёнка, пачала Сіўку выпрагаць.

А браты падхапілі ведзьму Бабарыху на рукі, панесьлі ў шацёр, пачалі частаваць-трактаваць.

Есьць ведзьма Бабарыха, п'е, а сама сабе думае: «Як палягуць спаць, дык я іх усіх і пarэжу...»

Тым часам Алёнка сядзіць на лузе каля коней і сьпявае, плачучы:

Сонейка, сонейка,
Сырая зямліца,
Дробная расіца,
А што ж мая мамка робіць?

Зямля і сонца адказваюць:

Кросны тчэ,
Кросны тчэ,
Залатым паяском
Павівае
Дочку Алёнку
З братамі чакае...

Выйшаў меншы брат з шатра, заслухаўся. Вярнуўся назад і кажа:

— Ведаеш, сястрыца, ведаеце, браткі, ці то птушка на лузе шчабеча, ці то дзяўчына сьпявае. Але так жаласна, што аж за сэрца хапае.

— Гэта мая наймічка, — кажа ведзьма Бабарыха, — яна на ўсе штукі здатная, толькі да работы лянівая.

Выйшаў тады сярэдні брат паслухаць, хоць ведзьма ня пускала яго.

Паслухаў ён жаласную песьню Алёнкі, а потым чуе, як сабака Лысун зацяўкаў:

Цяў, цяў!
Ведзьма Бабарыха
У шатры сядзіць,
На чужых братоў
Гадзінай глядзіць.
Булкі есьць, віны п'е,
Мёдам запівае,
Родная ж сястрыца
Сьлёзы пралівае...

Вярнуўся сярэдні брат і кажа да старэйшага:

— Пайдзі ты паслухай.

Пайшоў старэйшы брат, а сярэдні вока зь ведзьмы Бабарыхі ня спускае...

Паслухаў старэйшы брат Алёнчыну песьню, паслухаў, што сабака Лысун сказаў пра ведзьму Бабарыху, і аб усім здагадаўся.

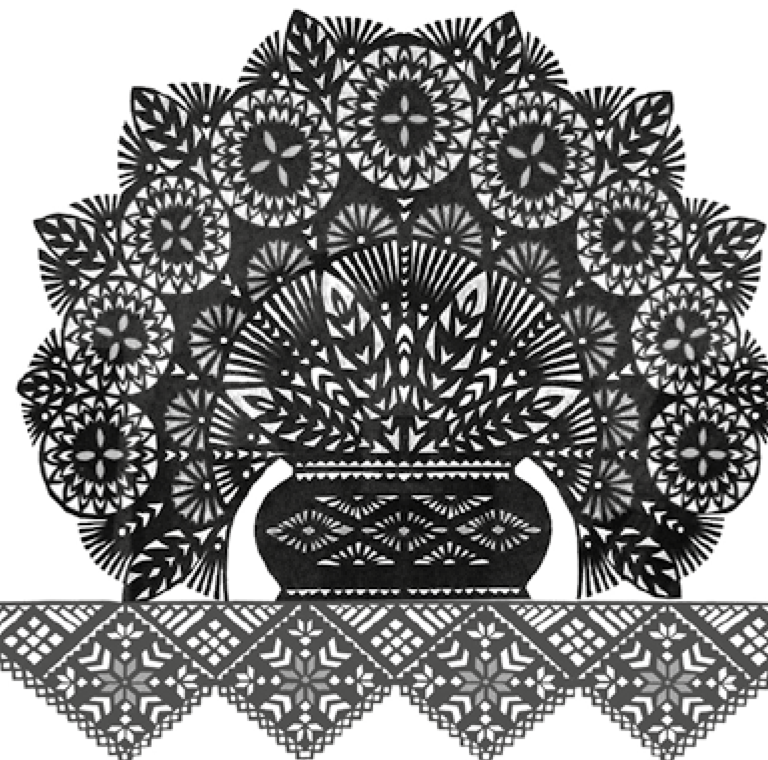
Пабег ён тады да Алёнкі, схапіў яе на рукі і прынёс у шацёр.

— Вось, — кажа да братоў, — хто наша сапраўдная сястра! А гэта подманшчыца: ведзьма Бабарыха!

Расклалі браты вялікае вогнішча, спалілі на ім ведзьму Бабарыху, попел па чыстым полі разьвеялі, каб і духу яе ня было. А потым згарнулі шаўковы шацёр ды вясёлыя паехалі з Алёнкай да старых бацькоў.

Крыніца: Беларускія казкі. Мюнхен, 1957.
Беларуская Палічка: http://knihi.com

Народныя святы і звычаі Берасцейшчыны

«Віл бушуе — вэсну чуе»: вол в фольклоре Брестчины

Іна ШВЕД,
доктар філалагічных навук,
кіраўнік лабараторыі
«Фалькларыстыка і краязнаўства»
БрДУ імя А. С. Пушкіна

Волы занимали важное место как в материальной, так и духовной культуре Брестского Полесья. Их использовали при обработке земельных угодий, в частности вспашки земли полесской сохой, а также в качестве тягловой силы. Архаическим способом перемещения грузов в болотистых местностях, встречавшемся еще в начале XX века, было использование в качестве волокуш плоскодонных «чаўноў», запряженных волами. В экономическом плане вол (кастрированный самец, использовавшийся в сельскохозяйственных работах, с более спокойным нравом, чем у быка) ценился выше бычков, которые, согласно волочебной песне, шли на мясо: «Тыя бычкі — на пажытачкі».

В многочисленных рассказах об обрядах колядования, щедрования высвечивается забота крестьян о благополучном разведении волов и другого крупного рогатого скота, цитируются соответствующие благопожелания хозяевам, ритуальные формулы заклинания, «коб коровка була гладка і здоровымі тэлятка». Житель Оздамачей (Столинский р-н) И. Супрунчик 1942 г.р. вспоминает: «Начыналі шчодроваць з крайнёе хаты. Покуль усе хаты не пройдом, домоў не ідом. Подходзілі к хаці под окно на покуці і велічовалі: «Добры вечор, пан господар, поздравляю Вас з праздніком, з Новым годом, дай Божэ, за год дождаць. Можно Вам песню заспеваць, Ваш дом повелічоваць? Вольно?» І господар говорыў, вольно ці не. І мы спевалі песні малым дзеткам (у некоторых хатах малые дзеці качалі гарбузы по хаці), господару, *шчоб усе велосо: коні і волы, пчолы*, уродзіла пшеніцка і жыто. Собералі хлеб, сало, колбасу. Ек спелі песню, то йшчэ говорылі: «Дай Божэ, шчоб дождалі, дэй на той год давалі!» На Полесье обнаруживаются некоторые моменты теофании в связи с переходом от старого года к новому (т.е. к тому времени, когда в соответствии с циклической концепцией времени мир возвращается к своему «докосмическому» состоянию), в связи с новой космизацией, магией первого дня; в колядках сам Бог ходит по земле и заботится о воде домашних животных, «скацінку плодзіць», «кароўкі дай буравыя, а цялятка дай лысянятка» («Сам Бог ходыть і ій годыть: // Родыть жыто і пшыныцю, // Як скотынку, так і птыцю, // Діток ростыть, // Пчёлок роіть. // Шчастя всім вам! // С Колядою!» (Дивин Кобринского р-на)). При этом волы включаются в мир космологически отмеченного, исключительного, первого и наделяются сакральной атрибутикой, в частности маркируются золотом: «Ой, там, на горы стоіт обора, // А ў той оборы две пары волы, раёму. // Раёму, Божэ, дай ёму, Божэ, // Шчасце, здоров'е в ёму дому. // Две пары волы да й пэрыстыйе, // На іх рожэчкі да й золотыйе, // А поводочкі да й шолковыйе, раёму. // Ой, устань, дзядзьку, да не ленуйся, // Дай волам сена да й по колена, // Ох, а саломы по самі рогі, раёму...» [1, с. 70] (подчеркнем, что особенно отмеченной частью тела волов являются рога).

Волы находились под присмотром хозяина, в отличие от коров, которые были под опекой хозяйки. В шуточной песне хозяйка пропивает корову и теленка, а хозяин — вола: «Ды й пропэў чумак вола, // А жынка корову і тыля. // Ай ну, мужа, да не дужа, // Да ходім додому, // Да пакоймося, да парадьмося, // За шо будым пэтэ...» (ФА; Брашевичи Дрогичинского р-на). Согласно свадебным песням и другим текстам, волы могли входить в приданое невесты: «Ой, тэ, Іванко, впэрод бэжы, // Свойму батэйку вістэ нэсы: // Вээзм нывісту бугатую. // — Ой, дэ мы тое дыватымо? // — Скрыню, пэрыну — у кумору, // Волы, курову — на убору, // Нас, мулудэйкых, — у свэтёлку» (ФА; Дивин Кобринского р-на). Когда одаривали невесту, представителей ее рода просили не скупиться на домашнюю живность. «Молодую дарать под пісьню: «Збырайся руд багаты, // Дары стойком рогатым, // Воламы, коровамы, сывымы говычкамы // І роямы-пчолкамы»» (Сухое Ивановского р-на), «Збірайса, род багаты, // Збірайса, род багаты // Дары статком рогатым: // Коровамі, воламі, // Чорнымі овэчкамі» (Краи Ивацевичского р-на). Согласно другим песням, молодица, проживающая в свёкровом доме, должна пасти волов: «Матэ сэна ожанэла, // Най навісткэ ны взлюбэла, // А ранайко сама встала // Най навісткэ ны збудэла. // А навістка розум мала, // На другій дань ранайко встала, // Сэвэ волыкэ пугнала. // Ой пугнала пастэ, // Взяла собі кудэль прастэ. // Прадэ кудэль тонасайко, // Плача сэльно-сыльнасайко» (Леликово Кобринского р-на).

Как мясо для свадебного застолья корова и вол (рогатый) могут упоминаться в свадебных песнях вместе с другими животными, наделенными значимой в рамках обряда символикой: «Як од'еджджають з гостэй: «Булы ў свата багатого, // З'ілы вола рогатого, // Шэй курку рабую // За нашу молодую, // З'ілы піўня рабого // За нашого молодого»» (Сухое Ивановского р-на). В другой

свадебной песне к хозяину обращаются: «Продай, Іванко, тёлку-трытячку // І напій, напій свою своячку, // Продай, Іванко, коня вороного // І напій, напій свата молодого» (ФА; Стригово Кобринского р-на). Согласно шуточной песне, несмотря на экономическое значение вола, намного большее в сравнении со свиньей, свадебная трапеза не обходится без него: «Сілы пярэзвы, сілы, // Чорного вола з'ілы. // Чорного, рогатого // Свата бугатого. // Ны трэба вола істы, // Вулом трэба рубеты. // Трэба свіню кулоты, // Еі ныма руботы» (ФА; Сворынь Дрогичинского р-на). Существенными являются здесь гиперболизация (играющая магическую роль усиления для обеспечения плодородия и процветания) и характеристики (черный, рогатый) вола, никак не влияющие на вкусовые качества его мяса, — они указывают на особый статус жертвенного животного. В результате мы имеем песенное изображение значительного события с мифоритуальной нагрузкой (практика сакрального заклания вола либо быка для совместной обрядовой трапезы в инициационных ситуациях известна многим славянским традициям). Мотив «печения вола» использует и загадка: «Праз сцены вала пякуць. — Цыплёнак» (Сорговичи Барановичского р-на).

В мифологических текстах о тяжелом наказании нарушителей правил со стороны высших сакральных сил этими виновниками, т. е. «моральными существами», наравне с людьми могут выступать волы. Согласно многочисленным записям, за нарушение запрета работать на Пасху мужик и два его вола, которыми он пахал в поле, превращаются в камни. В д. Хотомель Столинского р-на рассказывают о наказании вола за святотатство: «У нас у цэркві ў Хотомлі е камэнь. Вон росце. А росце вон крастом. Знайшоў яго одзін чоловек. Вон ораў поле воламі. Одзін вол зачапіў гэтой камэнь і чэрэз час здох, бэз болезней. На том месці, дзе знайшлі камня, построілі цэркоў. Вон і зарэ там стоіць, росце з зямлі. Кажуць, шчо одна слепа жонка прыклонілася до его і сразу стала бачыць. Гэто святы камэнь».

В разножанровых текстах белорусского фольклора посредством различий в семантическом поле образов вола, теленка, бугая, телушки, коровы моделируются определенные *социально-биологические статусы людей* (парня, холостяка, женатого мужчины-хозяина, девушки, невесты, женщины-хозяйки). Так, намекая на необходимость женитьбы, парню говорят: «Кыдай тэлячэ, а бэрыса за волячэ», т. е. становись ответственным работящим хозяином семьи (Заборовцы Пинского р-на) (в весенних песнях хозяин хвалит вола: «Робів ты мні всэ в охоту»). Вол может выступать символическим эквивалентом здорового работящего мужчины. Черный вол символически ассоциируется с тяжелым трудом, трудностями, неприятностями («Тагды будуць з яго людзі, як чорны вол на ногу наступіць», «працуе як чорны вол» — 'много и тяжело работает'). О взрослом, опытном мужчине (любовнике) говорят: «Стары вол баразны не псуе» (Могилевцы Пружанского р-на). *Мужская и брачная символика* вола косвенно представлена в песнях с мотивом «только жених может ликвидировать недостачу». Девушка-пастушка за предбрачным занятием — подготовкой свадебных атрибутов — потеряла волов, которых может найти лишь суженый: «Ой, там под бором, // Под зэлэнэнькім явором, // Ой, там Алёнка волэкэ пасла под бором. // Волэкэ пасла, хустку рубэла, // Хустку рубэла, волэ згубэла. // Пошоў батэньку волэ шукатэ, нэ найшоў. // Пошла матунька волэ шукатэ, нэ найшла. // Пошоў братэчок волэ шукатэ, нэ найшоў. // Пошла сэстрынька волэ шукатэ, нэ найшла. // Пошоў жэнышок волэ шукатэ, і найшоў» (ФА; Закозель Дрогичинского р-на). Мотивы выпаса волов, топтания травы «коровамы да говэчкамы, і всякымы ножэчкамы» выступают метафорическим описанием любовно-брачных отношений. Данная семантика может подчеркиваться мотивом влаги, росы, символизирующей плодородие, мужское семя (ср. мифологему небесного быка, бога грома и дождя, оплодняющего землю): «Ой, ты — козак, а я — дівчына красна. // Ты вчора горав, а я волыкы пасла. // Пасвыла волэ кай злёнуй дубровы, // Напала роса на мої чорны бровы...» [2, с. 139], «Дзе ж ты, Юрка, разліўся, // Дзе ж ты, Юрка, расіўся? // Ці кароўкі доячы, // Ці волікі пасучы?» (ФА; Вольно Барановичского р-на).

Вол бушующий, полный силы, витальности, выступает частотным образом весенних песен: «Віл бушуе — вэсну чуе, // Віл бушуе — высну чуе, // Ворон крачэ — сыра хочэ, // Дівка плачэ — сына хочэ, // Ворон крачэ, пудлытае, // Дівка сына спувывае...» (Кустын Брестского р-на). Такому активному волу обещают, что его возьмут в поле «горaты, хліб добываты», после чего он напасётся на лугу и напьется крыничной воды, например: «Вол бушуе — вясну чуе, // Воран крача — сыра хоча, // Дзеўка плача — замуж хоча. // Не бушуй, воле, пойдзеш у поле наярэшся, // Не плач, дзеўка, пойдзеш замуж — нажывешся» (Вольно Барановичского р-на). Символическая картина овладения землей, пахоты-боронования (земледельческой аналогии интимным отношениям), полными весеннего буйства (громко орущими) волами, оказывается задействованной в песнях с выраженными брачно-эротическими ассоциациями, в частности в каравайной песне из Каменецкого р-на: «Ой ты, ярая пшэнычынька, // Як на тэбэ орут, волэ рэвут, // А тэбэ сыют, ветры віют, // Як тэбэ волочат, дошчы мочат, // Я тыпэр коровай гібнут» [1, с. 294]. Отметим, что хотя «буйность» как постоянное свойство кастрированных, усмиренных самцов невозможна, именно волы воспринимаются его стереотипными носителями, подтверждающим примером чему может служить загадка о ветре: «Не вол, а бушуе».

Тесная взаимосвязь жизнедеятельности крестьянина и его домашних животных, «контактное» и психологическое взаимодействие между человеком и волом имело определенный социально-психологический эффект. Результатом такой коммуникации могло стать формирование художественных тропов, опирающихся на мифологический синкретизм; колоритный симбиотический образ человека-вола («составного объекта») дает загадка: «Крукі за крукі, // Шэсць ок, // А тры спіны. — Чалавек орэ воламі» (Мочуль Столинского р-на). В народной лирике такие тропы создают особый модус, отражающий взаимодействие восприятия повседневной крестьянской практики (в частности, работы с тягловым скотом) и определения лирическим героем отношения к своей доле, прожитым годам: «— Волы ж мої половые, // Чому ж бо вы да нэ горэтэ? // — Лета ж мої молодые, // Ой, як же ж марнэнько йдэтэ. // — Волы ж мої половые, // Ой, як же ж вы прыгораліса? // — Лета мої молодые, // Ой, як же ж вы змарноваліса?» (Логишин Пинского р-на). Приведенная песня примечательна тем, что в ней воссозданный динамический процесс, повторяющийся из года в год, переводится в более высокий духовный план, трудящийся человек и его орущие волы

онтологически симметричны и разделяют одну судьбу. Волы выступают и как коммуниканты лирического героя, и как анималистическая персонификация его жизненного потенциала, при этом рисуется тавтологичность и даже тождественность ситуации по обе стороны: природной и человеческой (уставшие, «приоравшиеся» волы — природная параллель к состарившейся, «змарнаванай» героине).

Не просто физически, но и духовно, экзистенциально человек связан с его домашними животными — волами — в мифологических рассказах о том, что животные осведомлены о судьбе своего хозяина. В Леликово Кобринского района рассказывают: «То ны прыказка, а то правда була колэсь. Чоловікэ дась у ліс поехалі. Тай довго там булэ. І булэ вонэ в постолёх. (Ек лозу дарлэ, і плалэ, і обувалэ. Ек лапті, ала по нашому назывались постолэ, обув така). Тай тая папороть-квітка дась влатіла в той лапоть (ек тэ скажаш), тай він став всё понiматэ. Тай пріехав до хатэ, вэпраг тэі волэ, напоів і пустэв у хлів. А одэн лягая і кажа: «Ох!» (а той чоловік стоіть і слухая, він начав понiматэ, шо вонэ кажуть). А другій кажа: «А чого тэ так, замучівся?» А той кажа: «Замучівсь, то замучівсь, а завтра нам ша техша робота буда. Хозяіна на кладбішча повазамо». Вот він слухав, і зашов у хату і кажа на жынку: «Готов мні всё смертельна, бо вжа е завтра умру». А жынка кажа: «Тэ дурнэй!» Бо він ша молодэй був. А хозяін кажа: «Е говору тоя, шо знаю». — «Готовся, са хочаш». І розувся — і тая квітка вэлатыла. Він усё забувся. А рано встае жынка, а чоловік ныжывэй». Подобные мифологические рассказы о праздничном communitas, понимании человеком речи осведомленных о его судьбе домашних животных относятся также к Сочельнику. Характерно, что все члены такого «праздничного сообщества» (люди и «чистые» домашние животные) имеют равное право на употребление праздничной пиши, освященных в церкви яств. И волы здесь имеют приоритет, поскольку воспринимаются как святые животные, «святая костка». Считали, что когда Богородица прятала младенца Христа от преследователей, вол набрасывал сено на Младенца, чтобы он не замерз, а лошадь сено отбрасывала и ела. Поэтому мясо вола, в отличие от конины, можно употреблять в пищу.

В связи с приведенным примером становится ясно, что волу, наделенному прогностической функцией, приписывались медиативные свойства, соотнесенность с *сакральным миром, смертью.* Сивые волы — основное имущество чумака — фигурируют в песне о смерти героя, который просит: «Таварышу мой, пажалей мяне, // Прадай мае сівы валы, пахавай мяне» (Здитово Березовского р-на). Со смертью связывались и половые (сивые) волы, в запретах начинать ими весеннюю пахоту, иначе кто-то из членов семьи умрет. Могли также не начинать весенней пахоты черными волами, иначе урожай будет погублен проливными дождями. В таком случае актуализируется связь черного вола с *дождем* (славянам известны представления о тучах-быках и коровах, прежде всего грозовых тучах). Противостояние черных земных волов небесному стаду должно обеспечить успех магическому опахиванию деревни парой черных волов-близнецов, чтобы навсегда обезопасить ее от града.

Особое значение приписывалось *черному волу* и в составе заговоров социальной направленности. В частности в заговорах «на суд», «ад ворагаў» отмечена древняя, имеющая параллель в скандинавской мифологии, формула «заговаривающий едет верхом на животном», прагматика которой раскрывается в контексте приписывания человеком себе сил, неуязвимости и запугивания оппонента. И этим животным выступает вол: «Твоя печь, но моя речь, моя труба, но твоя рука. Еду я волом, чтоб язык моего врага стал колом против меня, рабы (имя)» (Оброво Ивацевичского р-на). Нередко такой вол маркируется черным цветом: «Чырыз порог пырыступаю, гадюкою выповзаю, всім врагам рот затыкаю. Я ны іду, а йіду чорным волам, шчоб у всіх моіх врагів язык став колом. Амінь!» (Снитово Ивановского р-на).

Мифопоэтическая связь вола с различными сферами и элементами мироздания высвечивает в текстах иных видов традиционной культуры белорусов. Загадываемые через образы вола и коровы объекты относятся к числу основных элементов белорусского (шире — славянского) космоса, которые можно иерархически выстроить начиная от *природно-космологического* уровня к *культурно-антропологическому.* Кореляция «вол — части Вселенной» характеризует имеющие мифологическую основу загадки о громе, которые отождествляют мощный голос Громовержца и рыкающего, ревущего, кричащего вола («Чорны вол раве на сто гор»), а также о воле-морозе: «Прыйшоў віл, выпіў вудэ діл» (Сворынь Дрогичинского р-на), «Адзін вол выпіў вады дол» (Сорговичи Барановичского р-на). Посредством образа огромного вола, «покрывающего» собой центр местечка (села, города), рыночную площадь, моделируется образ корчмы: «У нашага вала ў баку дзіра, а пад хвастом кірмаш. — Карчма». Сам вол после смерти становится причастным корчме, «у танцы ідзе»: «Як быў мал, у чатыры дудкі граў, як узрос, гору і даліну знёс, а па смерці танцы выдаў» (из воловьей шкуры изготовляли обувь; в народной прозе разрабатывается мотив «на воловьей шкуре черт записвает грехи людей»).

А вот какая присказка про вола существует в Ивановском районе:

«КАК ВОЛА ДЕЛИЛИ. Когда основалось село, то было в нем только пять хат. Держали на всех одного вола. Пришла пора вола резать. Как делить мясо? А село стояло: одна хата тут, другая — дальше, третья за огородами. Никакого порядка не было.

Самый древний мудрый старик решил:

— Даты Гнату роги, бо жыве каля дороги...

— Мыколовы даты почки, бо в ёго добры дочки...

— Трэцему, Лаврушы, даты ад вола ушы...

— Чэтвэрта хата Агапы, для ёе — лапы...

— Пьятому, шо бывся, даты воловы яйца, бо бьецца!»

Таким образом, в фольклоре посредством образа вола, через символические картины выпаса волов, пахоты, бытовых аспектов разворачивается панорама крестьянской жизни с ее чувственными страстями и философским осмыслением своего бытия в бесконечном Космосе.

Літаратура

1. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 4. Брэсцкае Палессе. У 2 кн. Кн. 1 / В.І. Басько [і інш.]. — Мінск : Выш. шк., 2008. — 559 с.

2. Раговіч, У.І. Песенны фальклор Палесся. Т. 1 : Песні святочнага календара / У.І. Раговіч: Мінск : Чатыры чвэрці, 2001. — 527 с.

8 Марта — Международный женский день

В чем отличие русских женщин от украинок

Близкое родство русского и украинского народов не исключает существенные различия этнологической психологии. Особенно ярко выражены различия у женской половины населения этих двух стран. Украинки и русские отличаются друг от друга как по типу красоты, так и по целому набору психологических черт. Совокупность этих параметров часто определяет «лицо, характер нации».

Различия во внешности

Характерные черты внешности базируются на генетическом смешивании, которое происходило в далеком прошлом с другими народами, которые проживали по соседству. Здесь имеют значение географическое положение страны, историческая экспансия государства, присоединение земель.

Красота русских женщин относится к финно-балтийскому типу внешности, который широко распространен среди северных народов. Для них характерны: волосы светлых оттенков в сочетании с серыми, голубыми или зелеными глазами, тонкие черты лица и светлая кожа.

Украинки тяготеют к южному типу внешности, для которого характерны яркие контрасты и более выразительные черты лица. Темный оттенок волос сочетается с карими, черными, зелеными глазами. Выразительные брови ярко выделяются на светлой коже лица.

Красота русских женщин перекликается с морозной зимой или весенней оттепелью. Украинки же напоминают жаркое лето с темными, соловьиными ночами. Каждый тип красоты притягателен по-своему. Не существует однозначного мнения кто красивее.

Различия в характере

Не менее разительны отличия характера русских и украинок. Покладистые и терпеливые русские женщины более сдержаны в проявлении эмоций. Они многое прощают мужьям, склонны к самопожертвованию, не задумываясь «остановят коня на скаку» или «войдут в горящую избу». Характер русской женщины сохранил нормы домостроя, которые вколачивались в нее веками. Для нее естественно оставаться в семье на втором плане, поддерживать начинания мужа или смириться с его недостатками.

Свободолюбивые украинки обладают вспыльчивым, упрямым характером. Эксперты соотносят эти черты с культом Богини-матери, которому долгие века следовали народы Украины, Румынии и Болгарии, Польши и Венгрии. Украинки более требовательны к мужчинам и не склонны прощать оплошности. Они готовы отстаивать правду в самом жарком споре.

Типичные семейные отношения конца XIX столетия нашли отображение в повести И. Нечуй-Левицкого «Кайдашева семья». Автор в юмористичной форме выразил роль украинской женщины в родственных отношениях. Украинки не склонны оказываться в роли жертвы, активно себя защищают и всегда готовы устроить скандал.

Статистика разводов

Различия этнопсихологии русских и украинок подтверждаются статистикой разводов. Так, если в России на 2012 год доля разводов составляла 53%, то в Украине — 61%, что на 8% больше. При общем высоком показателе расторжения браков, украинские семьи распадаются чаще.

В других странах число разводов значительно ниже: 48% — в Канаде, 46% — в США, 42% — в Великобритании, 38% — во Франции и только 27% в Японии. Большое число разрушенных семей в России и Украине обусловлено поголовным пьянством мужей, финансовыми проблемами. Примечательно, что россиянки больше стремятся сохранить семью, чем украинки.

Не менее важна половая совместимость супругов, отсутствие которой часто приводит к изменам. Здесь также наблюдаются разительные отличия, которые находят отображение в статистических данных. У россиян мужья намного чаще бегают «налево». Из общего числа неверных супругов 75% — мужчины. В украинских семьях наблюдается несколько иная ситуация. Доли виновных в измене мужей и жен примерно одинаковы — 58% и 42% соответственно.

Статистика великолепно отображает темперамент свободолюбивых украинок с матриархальными взглядами на семейный уклад. Русская женщина, напротив, готова жертвовать личным счастьем ради сохранения семейного благополучия.

Источник: https://bigpicture. ru/?p=1244055

Новогодняя сказка для детишек района

Череду новогодних мероприятий в Брестском районе начали районным праздником для детей в Чернинском РДК. Юных жителей Прибужья пригласили в эти праздничные новогодние дни на премьеру мюзикла-сказки «Магическое путешествие, или В поисках Волшебника» в рамках республиканской благотворительной акции «Наши дети». Это оригинальная сказка, в основе которой классический праздничный сюжет: спасение Нового Года, с песнями, танцами, играми. Чем можно удивить детей, которые выросли на Гарри Поттере? Ну, конечно же, Магией и чудесным превращением Волшебного Колодца, при помощи которого можно путешествовать по разным мирам. Но как водится в сказках — всегда побеждает добро. И в гости к детям приходит самый главный новогодний волшебник — Дед Мороз.

Далее в Чернавчицком и Скоковском СДК, были организованы театральные спектакли «Как стать Снегурочкой»; в Страдечском, Знаменском, Остромечевском и Тельмовском СДК театрализованные представления: «Легенда сказачной страны», «В гостях у новогодней Елки», «Новогодние приключения Буратино». Детские новогодние утренники «Фиксики спасают Новый год» и «В гостях у Елки» с успехом состоялись в Лыщицком СДК и Омелинском СК-Б. Театрализованно-игровое представление «Гринч и Новый год» состоялось в Мотыкальском Доме культуры состоялось в рамках акции «Наши дети». Всего за период новогодних праздников в учреждениях культуры было запланировано и прошло много интересных мероприятий для детей.

Надежда БРЕЩУК

ЛІТАРАТУРНАЯ СЯДЗІБА

Представляем нового автора

Анна ИГНАТЮК

Анна Сергеевна Игнатюк родилась 30 мая 1986 года в г. Бресте.

В 1992 году пошла в 1-й класс. В свободное время посещала кружки и факультативы в Центре молодежного творчества г. Бреста.

В 2003 году окончила школу №28 г. Бреста и поступила на факультет иностранных языков Брестского государственного университета им. А.С. ушкина (бюджетное отделение) на специальность преподавателя английского и немецкого языков.

Во время учебы в университете принимала участие в дебатах Европейского молодежного парламента в 2004–2006 гг.

В 2005 г. опубликовала первый рассказ в книге-сборнике «Война: далекая и близкая» под руководством преподавателя БрГУ им. А.С. Пушкина В.П. Люкевича (кафедра культурологии).

В 2008-м окончила университет и устроилась на работу преподавателем в среднюю школу № 4 г. Бреста.

С 2009 по 2015 г. находилась в декретном отпуске.

В 2015–2017 гг. — дизайнер салона кухонной мебели ООО «ГеосИдеал».

С 2017 года — дизайнер салона кухонной мебели «Моя Кухня».

Замужем, двое детей 7 и 9 лет.

В 2019 году Анна Игнатюк заняла 2 место в республиканском конкурсе «Мы рождены для вдохновенья» в номинации «Этот мир придуман не нами». Конкурс проводился в рамках Международного фестиваля русской поэзии в Республике Беларусь «Созвучье слов живых», г. Брест.

Эллада

Закоулки и крыши из глины,
Я босая по трещинкам пляжа,
Легкой поступью балерины,
И в восторге от антуража,

Пробираюсь в кварталы местных.
Здесь к полудню дворы стихают,
Избегая хлопот поднебесных.
Мои греки сейчас отдыхают.

Ветер старого амфитеатра...
Я танцую, не чувствуя взгляда.
Безразлично, что будет завтра,
Если рядом танцует Эллада.

***

Портной судьбы, на стул присядь,
Не убирай в карманы руки.
Мне на лицо упала прядь,
Как нить каштановой разлуки.

Я в пол смотрю, туман в глазах,
На мне расплавилась улыбка,
С тобою в такт, почуяв страх,
Играет, обезумев, скрипка.

И все натянуто, как ткань,
На пяльцах неумелой швеи.
Пора... Везувий, перестань
Ровнять с руинами Помпеи.

Но если свет дает любовь,
То отчего во тьме глубокой,
Мне холодит по жилам кровь,
Твой голос тихий и жестокий.

Излейся в музыке немой,
Слова ни в чем не виноваты.
Кто на мелодию скупой, —
Тот на предательство богатый.

***

Тайна холодной воды,
Город, и остров, и порт.
Шахматные ряды, —
Русский военный флот.

Тактика королей,
Пешки из моряков,
Много победных ролей —
Мало доступных ходов.

Крепость во льду из оков,
Груда камней и бойниц,
Выдвинута из снов,
Выщемлена из страниц.

Вот я у стен твоих,
Надо — открой затвор.
Ты потому и притих,
Что было кому в упор...

***

Пустой, холодный коридор,
Обшарпанная дверь;
Глядит в окно ночной дозор —
Неутолимый зверь.

И тик и так по капле с крыш,
Вода стекает вниз,
А ты по-прежнему не спишь, —
Рисуешь мой эскиз.

Что говорит тебе ладонь
На линии дождя,
Ты холст рисованный не тронь,
Дотронься до меня.

Вода пугает за окном,
Всех стражников в ночи,
О том, что сбудется потом,
Пожалуйста, молчи!

***

Я знаю только одну
Серебряную луну,
По вискам, по стихиям бродит,
Ясных глаз с наших душ не сводит.

Я знаю только одну
Золотую звезду,
В круге первом и в белом саду
Только к ней я тебя приведу
И вручу, и неслышно уйду.

Я знаю только одну
Черную волну —
Накрывает водой она
Так, что меркнет моя звезда,
Так, что блекнет твоя луна...

Раскрывается глубина,
И теперь она четко видна,
До дна.

***

Через поле и провода,
Под глухими раскатами неба,
Вместо пятницы бродит среда,
Преломляя неделю без хлеба.

Хлебным запахом я не сыта,
Только запах один и печется.
Ворон выхватит изо рта
Все, что мне от тебя достается.

***

Так красиво и медленно падает снег,
И любви его нету предела,
Поутру вдоль Невы
проходил человек,
Но тогда я его проглядела.

Только образ застыл и кривой силуэт
В полумраке январского сада,
Я сжимала в кармане
трамвайный билет
На мосту, из-под львиного взгляда.

Все застыло, когда в одном
русле дыша,
Острова разорвались мостами,
Для него я тогда не была хороша,
Он давил мои звезды следами.

И в окованном льдами
багряном огне,
Еле слышно ступая на речку,
Человек, не спеша
повернулся к Неве,
И подал мне зажженную свечку.

И гори — не гори, на морозном ветру,
Я руки о тепло не согрела,
Он ушел, чтоб вернуться
за мной поутру,
Но я больше к нему не хотела.

Родной чужой

Родной, ну а я бы бежала,
Не трогая ног землей.
Как скоро душа возмужала
В обнимку с кровавой зарей!

Чужой, по себе-то не меряй!
Не всякий спускался с гор,
Не нужно смиряться с потерей,
Пока не прочел приговор.

Александр ВОЛКОВИЧ

Обережный военный рушник

Отрывок из повести «Житняя Баба»

Не на праздные посиделки и не на поминки собрались близкие и дальние соседки в хате Анастасии Козловой слякотным осенним вечером третьего военного года. Позвала солдаток великая нужда и такая же неизбывная вера, что теплилась в каждой женской душе, не угасая, словно мигающий пеньковый огрызок керосинки.

И не к скудному угощению — вареной бульбе в чугунке — интерес вечерних гостей, а к предстоящей ночной работе, важней которой за все военные годы, казалось, и не происходило. Заполонил тот жгучий позыв каждую из собравшихся, и каждая селянка озаботилась для святого дела из последнего. И главное — керосином. Из скудных запасов, из самых заветных захоронок сцеживали. В бутылках, бутылочках, шклянках, на донышках пахучих бидонов приносили. Дело требовало достаточного света, а керосин ценился на вес золота. Да и где было разжиться? Только-только фронт прокатился, отдаляясь на запад. Все припасы война по сусекам подмела.

...Третий год военного лихолетья выдался, как никогда прежде, урожайным на гибель фронтовиков-односельчан. Наверное, военная почта лучше работать стала: редкий месяц обходился без черной вести.

Некоторые сельчанки даже прятаться стали, завидев косоглазую Маньку-почтальоншу, свернувшую во двор. Издали гадали, что там у нее в тощей сумке: солдатский треугольник или казенный «квадрат»? В сорок первом и сорок втором году весточки с фронтов вообще в Похмелевку не доходили, под оккупацией стояло село, письма ниоткуда не шли. После освобождения села, чем ближе наши войска к гитлеровскому логову приближались, тем большей кровью давалась победа. Как будто до этого смерть солдатиков не косила и их матери и жены горьких слез не лили! Но как страшно, горько было получать печальные известия, когда великой войне, если верить радио, наступил перелом и доблестная Красная армия бьет ненавистного врага на его поганой территории! Словно черные вороны, прилетали с чужой стороны письма-похоронки... Убит, пал смертью храбрых, умер в госпитале от ран...

Тогда-то и озадачил измаявшихся в ожидании худых вестей баб лозовицкий церковный староста, правивший службу вместо тяжело хворавшего батюшки и не успевавший утешать неутешных. Изрек он во всеуслышание такие слова: дескать, шейте, солдатки, всем миром обережный рушник и несите его в храм. Стану за души ратников, кровь проливающих за веру и отечество, денно и нощно молиться, ибо иным из вас бывает не в силах до церкви добраться, а то молитвы нерегулярно кладете. И чтобы обязательно на рушнике в самом центре была вышита святая Великомученица Параскева Пятница, ибо есть она — Берегиня христианского

рода и всех наших окрестностей, мать земная, хранительница здоровья и семейного очага.

И чтобы каждая мужняя, незамужняя, вдовая и просто которая в девках, но близкого человека на войну проводившая, сотворила на том полотне свою персональную памятку в виде цветка, орнамента или другой заветной пометки с мыслию о дорогом человеке.

А когда все это вы, бабы, исполните, говорил церковный служитель, то пусть каждая зажжет свечку при церковном алтаре, и рушник тот будет освящен.

Рушник-оберег, вещал далее староста, не только печали и слезы бабские утолит, но главное — расстелится чудесным покрывалом над головами служивых и ратных, заслонит их в походе и в сражении, от тяжких ран исцелит, от неминучей гибели убережет и пулю вражью отведет. Одно условие-уговор: на все про все вышивальное действо дается единственная ночь, иначе святой завет оберега может не сбыться...

Вот такую заповедь огласил прихожанкам староста Никодим, сам страдавший язвенной болезнью и посещавший знахарку для исцеления...

«У Козловых солдатки робют обережный рушник! Для мужей и сынов, что с немцем бьются! Будут Параскеву Пятницу в шитье возрождать!» — пронесся по деревне заполошный слух, и в тот же день долго хлопала калитка Настиной хаты, впуская новых и новых желающих принять участие в святом деле...

В ту пору Евдокия была уже почти взрослой, неполных четырнадцати лет, и она помнит, как явилась на зов тетка Анюта, материна подружка, которую все с нетерпением ожидали. И с какой горделивой важностью, после паузы, достала она из-за пазухи сверток и медленно развернула тряпье...

Бабы завистливо ахнули. Настоящее ламповое стекло, «трехлинейку» выудила из своих грудастых недр толстушка Анюта и обвела ликующим взглядом присутствующих: мол, знай наших!

Стекло тут же на запасную лампу приспособили.

В хате намного светлее стало и бодрее.

Ай да Анюта! Она не только вышивальщица, каких поискать, и откликнулась на призыв подружки, но и довоенное стекло в лихую годину сумела сберечь. Значит, хватит света, сбыться делу, состояться красивой срочной работе, коль первая мастерица примет участие и явилась с таким редким припасом. К тому же соседское женское общество Шабриха уважила, пришла на сбор. Больше всего скорбящих — в Лозовицах; в Похмелевке вдовых числом поменьше будет...

Но и без приглашения многие неутешные жены из соседних сел собрались засвидетельствовать и помогать. Не с пустыми руками явились: принесли с собой последнее: цветных ниток, единственную иголку, полумеру домотканого полотна (ибо канвы для шитья днем с огнем невозможно было сыскать).

А главное, — керосина кто сколько смог.

И великую надежду.

Из Дряглевки, из-за речки, а это почти десять верст, притащилась рябая Дарья Зеленкович, а ее-то никто не звал, но все промолчали. Откуда только прознала? Муж Зеленички еще в финскую погиб, все об этом знали, но отказом не посмели вдову огорчить. Пусть уж вышьет зязюлю, раз попросилась. Облик тоскующей птицы кукушки на рушнике будет к месту. Хорошо, что напомнила.

Одной из первых заявилась соседка Меланья, еще летом получившая казенный пакет на своего Тимофея. Это уже много позже оказалось, что не безвестно

красноармеец Кудлов сгинул, как отписал командир, а в плен угодил и после войны домой вернулся. Правда, ненадолго. За что попал, за то и посадили. Но в тот вечер, жалея мужа, горько рыдала Меланья на плече соседки, а трое мал мала меньше в страхе жались к тетке Анастасии, напуганные материнским ревом.

Еле угомонилась баба. И сразу — в работу.

Дружно угадали, как на урок, Дунины школьные подружки классами постарше — Ольга Пашкевич, Лена Осмоловская и Чубарева Надя. Они семилетку перед войной закончили, замуж не успели выйти. У каждой дружок в армии, на фронте с 43-го. Весточек подружкам не шлют. Может, еще живы?

Девчата поначалу стеснялись общества старших женщин, но, быстро освоившись, лепту в общее дело внесли: им было велено холст на квадраты и клеточки размечать и цветные нитки в игольчные ушки втыкать. Девки молодые, глазастые, вот и расстарались.

Но и без них целая хата охочих набилась, и даже смелому негде взяться, пока главная мастерица к работе по череде не допустит. Тут уж без уступок — у всякой болит одинаково и всякая вправе к святому делу руку приложить.

А заправила в затее, конечно же, Анюта Сакович, она же за глаза — Шабриха. Первая помощница у нее — хозяйка Анастасия, в чьей хате сыр-бор. Настя, как и товарка, мастерица авторитетная. И выдумщица ничуть не хуже. Обе они и принялись верховодить: выбрали подходящий отрезок холста, чтобы лоскуты не сшивать и рубца лишнего не получилось. По долевой, продольной нитке общую картину наметили простыми стежками. По поперечной, утоку, — знаки и образы. Тут Параскеве Пятнице, царице земной и небесной расположиться.

Здесь — облик богини Берегини можно и должно вышить.

Ладу попросили не забыть невесты целованные и не целованные.

Венчальных голубков, чтоб женихи домой вернулись.

Кветку-ружу, чтоб верность и любовь не увядали.

Небесные звездочки, чтоб дети рождались и росли.

Святое дерево, чтоб род не прерывался.

Жита сноп, что б не голодать.

Жаворонков весенних, чтоб тепло наступило.

Кукушку, чтоб убитых поминала, а живым года начисляла.

Перуновы молнии зигзагом, чтоб врагов разили.

Дуняша загадала вышить козочку Манюньку, очень уж она к отцу была привержена, и отец ее любил, среди других козляток отличал. Однако девчонку к рабочему столу вряд ли подпустят: не до ее козочки. Все равно Дуня памятный ромбик на ручнике том оставила, когда работа заканчивалась, и у шитья освободилось местечко. Но это было под утро.

Однако гордилась ночным неумелым ромбиком пуще, чем самыми

удачными своими во взрослой жизни рушниками и сложными полотнами.

Сначала каждая из работниц урок получила: той нитки по колерам подбирать, этой клубки наматывать, третьим за лампой, коптилками и детьми присматривать. Остальным, которым негде к столу приткнуться, по лавкам сидеть и громко не встревать, с мысли мастериц не сбивать и под руку не вякать.

Все одно разговор зажурчал, вначале полушепотом, потом громче, то затихая, то оживляясь, особенно когда бабы начинали сердиться, кому первой к работе подходить, — пока не утряслось, не упорядочилось, первыми стежками и крестиками не выткалось. И потекла ноченька, хоть и осенняя, темная, но скоротечней которой отродясь ни одна в этой хате не гостевала, светлее и лунней никогда не случалась. Спорилась работа, хоть и тесно, и жарко надышали, и лампы на всех не хватало, а коптилки — вонь и сажа; глаза слезятся, нить цветами путается, не различить...

Но и какая работенка! Горше, чем с тяпкой в поле. Спины радикулитные ломит, бошки с недоеду и недосыпу кружатся, глаза от напряжения и гари коптильной слепнут.

А кто в последний раз вышивальную иголку в заскорузлых пальцах держал?! Разве что суровой ниткой заплату на коленки дитенку поставить да пуговицу медную пришить. Не до узоров с орнаментами было, не до цветков с ромбиками... Не каждой и дано. Ведь не крестик в ведомости ставить, а в клеточку на полотне махонькой иголкой попасть, не сбиваясь с наметки и с поля. Кончик нити спрятать. Локтем соседку не подбить. А рученьки уж не те. Наперсток на опухшие пальцы не надеть. Рвали их доселе, как хотели, плуги да вилы, лопаты да топоры. В каждой морщинке, в каждой вздувшейся жилке аршинными буквами прописана сельская военная правда: «Все для фронта, все для Победы!» До самой смерти печатку эту нести им вместе с колхозной Почетной грамотой в довесок за пазухой...

Детишек, кто с мамками пришел, по лавкам и на печи, сомлевших, уложили. Каждому дитяти — по картофелине в мундире в кулачок, чтоб не плакали, если голодными проснутся. И чтобы отцы-солдаты живыми приснились.

Одна из солдаток, глядя на спящих деток, рассиропилась на песенный плач, но на певунью дружно зацыкали: не ко времени и не к месту. Песни, даже жалостные мурлыкать и припевки играть — когда зимнюю куделю прясть да свадебные, пасхальные рушники вышивать. Обережный рушник, как и ахвярный, серьезности, печальной сосредоточенности требует, легкомыслие здесь ни к чему. Не тот случай.

Все, о чем мечталось, что снилось, желалось и грезилось, выткалось к рассвету на льняном полотне, и показалось измученным бабам, что не было и не будет тому рушнику равных по красоте и душевности ни в деревне, ни в дальних окрестностях, ни здесь, ни ныне, ни присно, ни вовеки веков... Горьким откровением, горючей слезою, душевной мольбою, святым зароком расцвело льняное поле в старательных руках — и, уступая дневному свету и сиянию, исходившему от вышитых образов, разом погасли чадящие языки коптилок.

Керосин выгорел досуха.

С тихим звоном треснуло и распалось на части перекаленное ламповое стекло — будто испустило вздох облегчения.

«Чай, недобрый знак!» — всполошились самые легковерные из работниц.

«Квитка!» — возразили те, кто характером тверже.

«Конец — делу венец!» — подвела итог забобонам мудрая Шабриха.

Лампу вслух жалеть не стала, и не понарошку: мужики жизни кладут на фронте, а тут — стекло... Что дороже?!

Настя подруге с готовностью поддакнула.

И все вздохнули с облегчением.

И хоть велика была усталость и страшила неуверенность, так ли и все ли вышили, не забыли ль чего-то важного, однако понесли бабы готовый оберег в лозовицкую церковь на освящение. Своей в Похмелевке никогда не стояло, так как — выселок.

Несли обережный рушник, как икону — перед собою, на вытянутых руках. И стар, и млад сбежались смотреть на сей неурочный крестный ход, а многие к нему присоединились.

Потом дни и ночи напролет, пока длилась страшная война и казалось, что не будет ей ни дна, ни покрышки, усердно молились за своих и чужих, уповая на чудодейственную силу оберега.

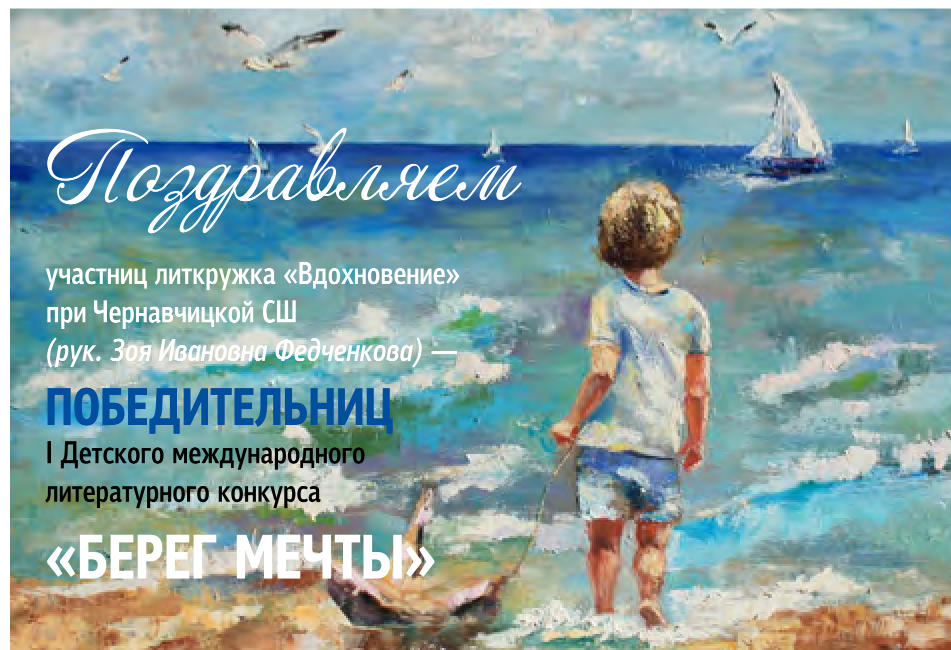
Спаси и сохрани!

И так — до самой Победы.

Уж сколько лет прошло, а вот вспомнилась старой женщине та вдовья, сквозь слезы и через немогу, заполошная страда за ночным рукодельем — и теплее в душе, и печаль светлей. Ведь сдюжили тогда, хоть не за плугом ходили и не тупыми косами отаву сбивали. В первую голову их самих, измученных военной бедой, уставших любить и ждать, превознес оберег, черную тоску развеял.

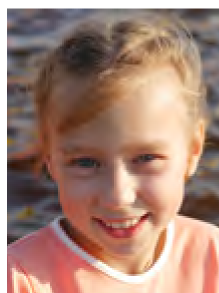
Свято верили: если хотя б одного-единственного солдатика заслонило в бою заговорное вышиванье, хоть одному горемычному страдание и боль облегчило, то, стало быть, и бабская тыловая затея свершилась не зря. А коль иных, кого с фронта ждали, смерть продолжала без разбору косить, вопреки обережному заговору, то умирали бойцы за себя и за домашних покойно. Почему? — Дурак не поймет, а умный не спросит...

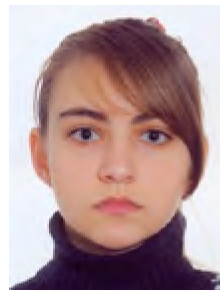
Конкурс проведен по инициативе Ленинградского областного отделения Союза писателей России (ЛООСПР) при поддержке Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. С оргкомитетом сотрудничали детский экологический центр при ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга», благотворительный фонд «Православная Детская миссия имени прп. Серафима Вырицкого» и Петровская Академия наук и искусств. Информационными спонсорами стали сайт Петербургского Дома писателей и проект Галины Ярось «Конкурсы. Гранты. Премии. Фестивали».

Среди белорусских участников двое получили дипломы победителей. Это — Дарья Шульжик и Александра Прокопчук (аг. Чернавчицы Брестского р-на). В номинации «Проза» Дарья заняла I место (тема «История моей страны») в возрастной категории 11–13 лет, а Александра удостоена III места (тема «Я мира бережно касаюсь») среди старших ребят (14–18 лет).

Конкурсные произведения победительниц публиковались в нашем альманахе «Астрамечаўскі рукапіс», № 3 (27) 2019 г.

КНІЖНАЯ ЗАЛА

Мосту дружбы — крепнуть!

В районной библиотеке агрогородка Черни состоялась встреча с руководителем Российского центра науки и культуры в Бресте, вице-консулом Генерального консульства России в областном центре Юлией Семенченко, в ходе которой в фонд централизованной клубной системы Прибужья была передана художественная литература.

Отделение представительства Россотрудничества в Республике Беларусь в городе над Бугом работает с 2013 года, одним из направлений деятельности центра является популяризация русского языка, культуры, истории России.

Открыла встречу директор ГУК «Брестская районная библиотечная сеть» Светлана Чусовлянкина, которая рассказала высокому гостю о «домах книг» и читателях в Прибужье:

— На сегодняшний день в районе имеется 19 библиотек. Одной из самых известных является Остромечевская библиотека, имеющая интереснейшую историю, подтвержденную материалами газеты «Наша Ніва» за 1905 год и книгой с печатью библиотеки за 1903 год, хранящейся в Брестском краеведческом музее. Она была основана 115 лет назад на средства из фонда известного просветителя и книгоиздателя Флорентия Федоровича Павленкова. Сегодня библиотека поддерживает связи с содружеством Павленковских библиотек России. В целом, читателями 19 библиотек являются около 10 тысяч человек, из них 5 тысяч — это дети до 15 лет.

В своем приветственном слове Юлия Семенченко отметила значимость таких мероприятий и их большой смысл:

— Мне очень приятно быть здесь сегодня. Наш Центр занимается не только передачей книг, учебников школам, библиотекам, различным учреждениям. Основной его миссией является налаживание мостов дружбы между Россией и Беларусью, проведение различных мероприятий, акций, которые нас связывают. Это курсы повышения квалификации учителей, концерты, постановки, спектакли, научные конференции, круглые столы. Проводится большой пласт мероприятий. Сегодня мы привезли вам сто книг, русскую литературу и учебные пособия. Я очень рада, что они будут у вас востребованы. Пусть эти книги подарят вашим читателям незабываемые моменты встречи с художественным словом.

На память о Брестском районе Юлии Евгеньевне была подарена книга «Край наш Прибужский» с его подробной историей, красочными фотографиями и картами. Также вице-консулу была подарена коллекция краеведческого альманаха «Астрамечаўскі рукапіс», в котором переплетены история и современность, собраны местные материалы о народных обычаях, обрядах, песнях, умельцах народных промыслов и мастерицах.

Уроженец Прибужья, писатель Александр Волкович подарил вице-консулу свою книгу «Письма войны».

Пользуясь случаем, Светлана Чусовлянкина пригласила высокого гостя на 115-й юбилей Павленковской библиотеки агрогородка Остромечево, который состоится в сентябре 2020 года. Приглашение Юлия Евгеньевна приняла и пообещала, что обязательно посетит мероприятие.

В этом году большую помощь библиотекам Прибужья также оказали руководители ОАО «Чернавчицы» Иван Бурда, ОАО «Остромечево» Олег Бурак, ОАО «За мир» Василий Ковалевский и ООО «ВирраБрест» Владимир Сухий.

Павел БОГУШ
Фото автора

«Бог, не суди! — Ты не был женщиной на земле!»

Держу в руках аккуратную книжечку в твердом переплете с изящным графическим рисунком на белой обложке. Рисунок — символ: женщина с длинными волосами, сидящая на морском берегу, звезды, луна и бегущая по волнам ладья. Парус — стилизованный рукописный лист. Графика, вероятно, исполнена тонким пером черной тушью. Складки женского платья и волосы органично перетекают в волны и ветер…

Любовь Красевская. Та самая сила: сборник поэзии — Рязань: ГУП РО «Рязанская областная типография», 2019

Уверен: все, что у нас есть — это происхождение. Именно оно, происхождение, а точнее, место, где появился на свет и совершил первые жизненные шаги, во многом определяет мировоззрение поэта и отражается в его творчестве. Так либо иначе. Хотел бы он этого или не хотел. Объективная закономерность.

Продолжая аналогию с девушкой на берегу, возьмусь утверждать, что образ незнакомки на книжной обложке олицетворяет главную лирическую героиню автора сборника, а также биографию и судьбу самой Любови Красевской. Два заветных берега ее жизни — это далекая Сибирь, дивная Хакасия, где она родилась и выросла, с одной стороны, а с другой — родина предков, заповедный Берестейский край — затоптанная веками росстань Белой Руси. И между этими берегами, а точнее — мирами, буквально разрывается мятежная душа «поэтки», и в каждом она ощущает материнскую опору, находит животворные истоки.

«Забытый вращаю глобус,
Ищу свою параллель.
Какой страны аэробус
Промчит сквозь время — в метель,
В медвежий мой край суровый?
Там богатырь-Енисей
Поет под оркестр кедровый
Дивной сибирской красе».

А в другом месте, совсем рядышком, читаем:

«О, Белая Русь!
Я теперь в твоих нервах и жилах,
И мне лицемерить некстати,
и не по годам.
Я сердце свое, пока бьется,
пока не остыло,
Тебе с покаянной любовью,
всецело отдам…»

И еще:

«Ну, как отныне проживу на свете я
Без — Богом предначертанных —
азов?
Зов предков позапрошлого столетия.
Услышан.
Я пришла на этот зов».

Конечно же, тематика стихов, вошедших в новый сборник Любови Красевской, не ограничивается, если можно так выразиться, рубежными, столбовыми вехами ее биографии или коллизиями личной жизни. Перед нами не просто «судьбы простое полотно», а море чувственных ассоциаций, где что ни эпизод — то всплеск щемящего лиризма, где ни поворот — то глубина поэтического сопереживания. И дело тут совсем не в формальностях стихосложения, а в философии жизни — понятой, прочувствованной, выстраданной.

Мне кажется, подчеркнуто символично к одному из стихотворений сборника — циклу «Родина и любовь» она поставила эпиграфом строку неподражаемой Марины Цветаевой: «Тоска по Родине! Давно разоблаченная морока!..» А продолжила мысль, споря с великой предшественницей, естественно, в своей интерпретации, которую я, с вашего позволения, продолжу опять же цветаевской строфой:

«Ах, далеко до неба!
Губы — близки во мгле…
— Бог, не суди! — Ты не был
Женщиной на земле!»

В этой метафоре, по-моему, и заключается одна из опорных точек поэтической эстетики Любови Красевской…

Я преднамеренно не останавливаюсь подробно на лирике автора, связанной с географией поездок, расставаниями и встречами, городами и странами. С отношением к тем или иным событиям быстротекущего бытия. Для этого перед вами книга, чтобы ее читать, перелистывать, окунаться с головой, зарываться лицом, как в копну луговой травы или в волосы любимой женщины… Но вот художественные поэтические обобщения заслуживают самого пристального внимания и оценки.

«Строптивая. Жила, как нравилось.
Грешила тайно и на юру.
Так вызнала простое правило:
Стану праведной, когда умру».

«Я жизнь свою воспринимаю звоном.
Колоколов. И музыкой любви.
Где сердце, что звучало камертоном?
Молю о нем у Спаса на Крови».

«Я живу на берегу
В разных травах.
И лекарством быть могу,
И — отравой».

Не знаю, встретите ли вы где-нибудь похожие интонации… Но здесь — сугубо

«красевское» — так и просится написать «красивое» — только ей присущее, не заемное, а поэтому проникающее в душу, свежее и чистое.

При этом изысканный, я бы сказал, изящный стихотворный слог. И выверенное, точное слово в строфе.

Часто использованное поэтессой существительное, определение, сравнение — кондовое, коренное, иногда — полузабытое, старинное, но поразительно свежее своей новизной употребления. А за этим словом — глубинный смысл.

Признаюсь, на одном из таких слов я, было, споткнулся. Вот раздел из ее нового сборника называется «Окликанье сердец». Неуклюжее вроде бы, устаревшее словечко «окликанье»... Что оно означает? Перекличка? Эхо? Отголоски? Не совсем так.

Читаем у Владимира Даля: «окликаются» гудками в тумане пароходы на Волге; «окликаются» возгласами «Слушай!» часовые в ночи и т.д.

Представьте, какие чудесные ассоциации и образы может все это вызвать в душе чувственного литератора!

«Окликаются»... человеческие сердца. А это уже — у Красевской.

Рассуждая о вышедшем сборнике поэзии, не лишне упомянуть, что имя автора хорошо знакомо не только в Беларуси, на Брестчине, но и на ее второй родине — в России. Она издала несколько поэтических сборников, занимается переводом на русский с белорусского и польского. Ее стихи переведены на белорусский, польский, болгарский, сербский и итальянский языки. Обладатель премии журнала «Новый берег» (Копенгаген, 2007), победитель международного конкурса «Мир — твоя колыбель» (Висбаден, 2008), лауреат республиканского литературного конкурса «Лучшее произведение 2009 года» в области поэзии за книгу «На два голоса».

Всю эту информацию можно почерпнуть из предисловия к книге «Та самая сила», кстати, любезно подаренной мне автором, из других источников. Однако дело не в количестве изданных книг и полученных почетных наград. Поэзия Любови Красевской интересна и притягательна еще потому, что она — общечеловечна, интернациональна.

«Я говорю на польском языке, а думаю... а думаю по-русски» // «Пою на белорусском языке, а думаю... а думаю — по-русски» // «Молилась на церковном языке, а думала... а думала — по-русски»// — признается героиня, уповая на тот животворный пласт классической российской словесности, на котором выросла, произросла и продолжает опираться. При этом ни на секунду, не теряя кровную связь со всеми берегами своей исторической родины.

Что же касается белорусской тематики в ее творчестве, то она абсолютно лишена газетного пафоса, банальной сентиментальности, которыми сплошь и рядом грешат белорусские, в особенности «местячковые» авторы, нещадно эксплуатирующие затертые поэтические образы, пытаясь изобразить национальный колорит. Без особой разницы, на каком языке пишут — белорусском либо русском. И которые можно условно обозначить, как «цыганщина полесского розлива».

Напротив, поэтические строки Красевской о Белой Руси, Припяцком и Прибужском Полесье, городе Бресте подкупают своей первозданностью, глубинным пониманием истории, духовного родства и традиций наших народов.

Однако, это, наверное, произошло... «окликанье сердец».

Александр ВОЛКОВИЧ,
член Союза писателей Беларуси

Скарбніца народных талентаў

«Жаўрукі», воспевающие красоту родного края

Образцовый инструментальный ансамбль «Астрамечаўскія жаўрукі» ГУО «Остромечевская детская школа искусств» вот уже почти десять лет радует публику виртуозным исполнением народных композиций, вокальным искусством, инструментальным творчеством. Искусная, эмоциональная, восторженная игра ребят впечатляет от первой до последней ноты и увлекает в удивительный мир инструментальной музыки.

В далеком 2007 году талантливый музыкальный педагог Алла Ильюк решила объединить одаренных мальчишек, учащихся детской школы искусств, в один коллектив. Они стали с удовольствием осваивать цимбалы — древний инструмент, воспевающий красоту родного края. Однажды на репетиции один из участников ансамбля Алексей Брызга предложил свое название коллектива, которое сразу всем понравилось. Так появились «Астрамечаўскія жаўрукі».

Для более полного погружения в белорусскую культуру в детской школе искусств не без непосредственного участия ее директора Татьяны Прокопович для них был оборудован уютный класс цимбал, превращенный со временем в эксклюзивный уголок народного творчества. Среди вышитых рушников, тканых полотен местных мастеров, предметов быта наших дедов и прадедов расцветают таланты юных воспитанников, которые могут полностью погрузиться в историческую канву изучаемого предмета. Они воспевают любовь к народной музыке и цимбалам — символу белорусской культуры. Обучаются игре на этом замечательном инструменте по методике Иосифа Жиновича — цимбалиста-виртуоза, композитора и дирижера, основателя современной цимбальной школы. Чтобы освоить игру на этом непростом инструменте, от юных талантов требуются большая усидчивость и терпение. Обучение длится 5–7 лет. Дети изучают нотную грамоту, музыкальную литературу, сольфеджио и другие дисциплины. Обязательным является освоение и второго инструмента. Это может быть гитара, фортепьяно и другие. Участники привыкают усердно трудиться, чтобы в итоге не только освоить инструмент, но и вырасти духовно. По словам Аллы Николаевны, такая вовлеченность помогает детям выработать национальное самосознание, научиться глубже понимать красоту и творчество родного края.

Хотя в репертуаре ансамбля присутствует музыка разнообразных жанров, все же приоритетным направлением являются сохранение и пропаганда народного музыкального творчества. Отдельные часы отведены для изучения произведений из «Астрамечаўскага рукапіса», а также переложениям белорусской народной музыки в аранжировке Аллы Ильюк. В коллективе много творческих идей и замыслов. Выступления цимбального ансамбля «Астрамечаўскія жаўрукі» пропагандируют белорусскую инструментальную музыку. Участники ансамбля продолжают расти в исполнительском плане, расширяя концертную деятельность коллектива, накапливая новый репертуар.

Сегодня в ансамбле занимаются 13 человек. С сентября нынешнего года на смену выпускникам пришли первоклассники, которые с большим удовольствием посещают занятия. Они такие же талантливые, дружные, эмоциональные и влюбленные в белорусскую инструментальную культуру. Самыми активными являются Дмитрий Лешкевич, Артем Машлякевич, Валерий и Кира Ищенко, Екатерина Петрович, Яков Богомолов, Александр и Дмитрий Матвийчуки, Кирилл Бабий, Кирилл Зинович, Тихон и Татьяна Бащуки, Марк Житкович. Изюминкой коллектива стал его солист Никита Карабан (вокал). Если обратить внимание на фамилии участников, то можно отметить, что многие ребята приходят в ансамбль на смену своим братьям и сестрам. И это очень радует, значит, любовь к цимбалам становится традиционной в семьях, она передается младшим поколениям. Выпускников музыкальной школы сменяли новые ребята, которые еще с большим рвением стремились освоить цимбалы, так как попасть в ансамбль было очень почетно.

Концертная деятельность занимает наиболее значимое место в работе творческого коллектива. Такие мероприятия являются результатом кропотливого труда, который помогает им приобретать сценическое мастерство, уверенность и опыт. Юные артисты представляют свои лучшие номера на суд поклонников — сольную и ансамблевую игру на музыкальных инструментах, вокальное пение, яркие танцевальные постановки. География концертной деятельности коллектива очень разнообразна: Брест, Барановичи, Дрогичин, Пружаны, Пинск, Вистычи, Лыщицы, Черни, Тересполь (Республика Польша). Только в прошлом году ансамбль участвовал в творческой встрече цимбальных ансамблей Прибужья «Серебряный звон цимбал» и был отмечен благодарностью, занял призовое место в смотре-конкурсе «Прыбужскі пераѕвон», а в «Юном виртуозе» завоевал диплом I степени. Запомнился и концерт, посвященный Международному дню детства, проходивший нынешним летом в г. Тересполь. На празднике «Rodzina Razem» были награждены Дипломом. Одним из наиболее ярких и важных событий для коллектива стало выступление в праздничном концерте, посвященном 25-летию Государственного учреждения образования «Кобринская детская деревня».

Как призналась Алла Николаевна, дети с нетерпением ждут эти замечательные поездки, много сил и стараний вкладывают в подготовку и выступление.

Дата 30 августа 2018 года — важная и значимая в жизни ансамбля: он получил звание «Образцовый». И это стало высокой оценкой их творческой деятельности. Сейчас самое время рассказать о том, кто был с коллективом с начала его основания. Это замечательный педагог, учитель по классу цимбал Алла Ильюк, творческий человек, который сумел заинтересовать белорусским народным инструментом ребят, сплотить их в коллектив и вывести на должный уровень. Алла Николаевна родилась в г. Пинске, окончила Лидское музыкальное училище Гродненской области (нынче Лидский музыкальный колледж) по классу цимбал. Вместе с ней у истоков образования ансамбля стояла талантливый педагог-концертмейстер Вера Сабирова, преподаватель по классу фортепиано. В разное время в коллективе работали преподаватель по классу баяна Оксана Антонюк, молодой специалист по классу цимбал Ольга Гержа.

Помогают детям качественно и в короткие сроки разучивать партии и ярко выглядеть в концертных программах не только его руководители, но и неравнодушные к искусству люди. Большую поддержку оказывает директор ДШИ Татьяна Прокопович, начальник отдела идеологической работы, культуры и по делам молодежи райисполкома Лариса Балашова. Не остается в стороне и руководитель ОАО «Остромечево» Олег Бурак, который всегда благосклонно относится к просьбам и находит возможность безвозмездно помочь коллективу в вопросах поездок на выступления. Тесно взаимодействует с коллективом и директор ГУО «СШ д. Остромечево» Андрей Рубашевский. Творчески обрамлять задумки коллектива, фиксировать его многочисленные выступления помогает Михаил Губарев, а также работники Остромечевского Дома культуры и Дома ремесел.

— Хотелось бы отметить всех родителей наших юных талантов, их неоценимую поддержку в любых вопросах, — подчеркнула Алла Николаевна. — Именно благодаря их помощи и объединенным усилиям коллектив «Астрамечаўскія жаўрукі» стал брендом агрогородка Остромечево.

Наталья ТОЛКАЧЕВА

Оперная певица Маргарита Левчук: от деревни Страдечь, что на Брестчине, до «Большой оперы» и дальше

Искусство петь

Молодая, красивая, популярная — таким, как она, обычно завидуют: со стороны кажется, что достичь успеха легко. И только сама Маргарита Левчук знает, сколько труда вложено в каждую маленькую и большую победу.

— Когда про меня пишут «оперная дива» или называют звездой, я всегда отвечаю: «Ну какая я дива? Я пока дивочка!» Стройная, хрупкая, слегка растрепанная после тренировки в спортзале, она рассказывает о том, как важно держать форму, потому что в опере уже давно нет места карикатурным стопудовым валькириям. А я вспоминаю, как впервые увидела ее на сцене в российском шоу «Большая опера», где она в итоге завоевала бронзу, и меня поразило тогда: как в этой миниатюрной девушке помещается такой голос?

У Маргариты свой круг преданных слушателей: не один год она выступает в концертах и спектаклях Музыкального Дома «Классика», в том числе за рубежом, с 2016 года поет в Большом театре Беларуси.

Марго, Маргошенька — так ее называют друзья и близкие. Так она сама обращается к себе, в минуты усталости уговаривая организм взбодриться, а свое нежное сопрано — еще поработать. А уставать есть от чего: академический вокал не мурлыканье песенок под нос, а тяжелый труд, тяжелый чисто физически. Марго от невостребованности не страдает, график у нее весьма плотный, да и режиссеры постановок вместе со сценографами регулярно вносят разнообразие в жизнь артистов.

— В «Кандиде» Бернстайна, в котором я пою сейчас в Вильнюсе партию Кунигунды, мне приходится сидеть, а также лежать, стоять, да чего только не делать в полноценной чугунной ванне! — рассказывает Марго. *— И когда после премьеры я обнаружила, что вся в синяках, еще и спина болит, то пришла к выводу: мне нужен спортзал и правильные тренировки. Мало ли что тебе понадобится завтра на сцене — прыгать или танцевать?*

Сказать, что Маргарите Левчук все досталось легко, невозможно: девочка из деревни Страдечь в Брестской области в музыкальную школу ездила, что называется, за сто верст.

— Я любила ездить с папой, потому что это означало — с попутными водителями, — не без удовольствия вспоминает Марго. *— Бывали очень необычные машины: однажды нас подвозил фургончик, на котором было написано «Люди», в другой раз мы ехали на настоящем башенном кране... Кто мне помогал сделать карьеру? Вся семья и все родственники! Мама, которой пришлось уйти на полставки, когда меня приняли в музыкальную школу, дядя с тетей, у которых я год прожила в Бресте, когда поступила в музколледж имени Ширмы...*

Она училась на отделении хорового дирижирования и именно дирижером с самого начала мечтала стать. И нравилось, и хорошо получалось. Однако в конце концов поняла: хочет петь и только петь.

— Может быть, когда мне будет уже много лет, я и захочу подирижировать, не знаю, — отшучивается Маргарита. *— Но я получаю огромное удовольствие от того, что пою в опере, этим и буду заниматься дальше. Не люблю быть дома, не люблю бездельничать, у меня нет хобби и мало свободного времени, я всегда считала: «Нечего тебе делать — иди поучи роль».*

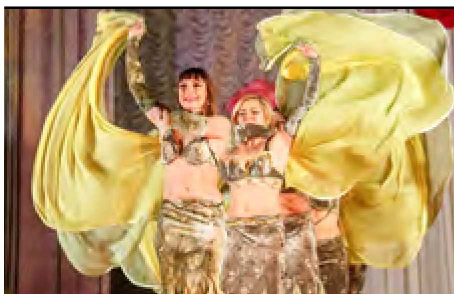
На нее приятно смотреть и интересно слушать, как она делится планами, сверяется с сумасшедшим графиком гастролей, рассказывает о роли мечты — сейчас ее привлекает Манон в опере Массне. О том, что в конце декабря в «Верхнем городе» будет рождественский концерт, где она споет вместе с другом — испанским тенором Хесусом Альваресом, и о музыкальном подарке, который они готовят под Новый год в Купаловском театре.

— Мне нравится оперная среда: у меня сложился круг общения, в котором совершенно нет зависти, все друг друга поддерживают, мотивируют — и это здорово, — считает певица. *— Конечно, бывает, что ты относишься немного ревниво к чужому успеху, но я в таких случаях думаю, что нужно сделать, чтобы у меня получилось не хуже. И говорю себе: «Марго, давай работай, ты должна пахать, тогда все будет!» Ничто не дается легко — как потрудился, столько и получаешь.*

Ирина ОВСЕПЯН
Фото из личного архива

Виртуозы восточного танца из Чернавчиц

5 февраля 2020 года в Чернавчицком СДК состоялся концерт студии восточного танца «Аль Хайят», которым руководит Ирина Кузьмич.

А началось все 15 лет назад в агрогородке Чернавчицы Брестского района, где Ирина Кузьмич открыла студию восточного танца «Аль Хайят».

Тогда, в 2005 году никто не мог представить, что инициатива одной женщины и смелость десятка других сможет создать что-то, что будет существовать столько лет. Но это произошло.

Сейчас в коллективе 12 человек. Им от 25 до 62 лет. Они работают бухгалтерами, библиотекарями, воспитателями, учителями, экологами. У них по двое, трое, четверо детей, есть внуки.

Они приходят на репетиции и... забывают обо всех семейных заботах, танцуют, занимаются пилатесом. Ирина Кузьмич постоянно развивается как тренер, недавно она получила сертификат тренера международной школы Polestar Pilates.

Ты смотришь на них и понимаешь, что дело даже не в их танцевальных навыках, не в яркости костюмов, а в том, что каждая из них, стоя на сцене, чувствует себя самой красивой и счастливой.

Они женщины, у которых есть увлечение. Женщины, которые не побоялись сделать то, на что многие другие не решились. Они уважают своё любимое дело и вкладываются в него, как эмоционально, так и материально.

Все костюмы (а их в сумме на всех танцовщиц более 70!) девушки шьют за свои деньги. А после этого ещё сидят вечерами и приклеивают к ним стразы, обшивают пайетками и бисером. И они делают это с удовольствием, потому что делают это для себя.

Спасибо, Ирина, что делаете женщин счастливыми. Спасибо, девушки, что вдохновляете нас. Я горжусь вами, вот бы и мне так.

Александра Волчецкая
Фото Андрея Рыбачука

Мощёнка. История деревни, ставшей частью Бреста

Мощёнка из числа самых маленьких деревушек, вошедших в черту города более десяти лет назад. Однажды спрятавшись в гуще леса, она и сейчас утопает в столетних деревьях, и ее по-прежнему не так легко найти.Хотя расположена она примерно в пяти километрах к северо-востоку от центра Бреста, недалеко от нее проходит и автомагистраль М1. Сказать, сколько столетий деревушке, очень сложно, поскольку сведений об этом сохранилось мало.

Снести, построить форт

Известно, что в XIX столетии деревня находилась в Брестском уезде Гродненской губернии. Входила в состав имения Черни, которым владел Ягмин. После ревизии 1858 года в деревне насчитывалась 61 душа.

В 1870 году относилась она к Чернинской сельской общине. В 1897-м в ней находилось 17 дворов, проживало 150 жителей, входила она в Косичскую волость Брестского уезда Гродненской губернии, а с 1921 по 1939 год — в Косичской гмине Брестского повета Полесского воеводства. На 30 сентября 1921 года в деревне имелось 13 дворов и 74 жителя. Мощёнка была в составе сельхозпредприятия «Молодая гвардия» — центр Черни. В 2005 году насчитывалось 31 хозяйство и 51 житель. Деревня жила, здесь рождались, женились, трудились... А ведь могло быть все иначе...

Когда-то генерал Карбышев на месте Мощёнки собирался построить форт, даже была установлена часть укреплений и уже начали вести ремонтные работы. Саму деревню планировали

снести, но помешала Первая мировая. С того далекого времени осталось совсем немного — старый деревянный крест, крепленный квадратными гвоздями, выкованными местным кузнецом.

По словам жительницы Мощёнки, 87-летней Ольги Шпильчук, на месте, где сейчас он стоит, раньше была дорога, впадавшая в единственную улицу деревни, которая вела в Черни. Возможно, в этом месте был перекресток, а по сложившимся традициям, в таких местах всегда устанавливали кресты, чтобы они защищали деревню от бедствий. Вот и моя собеседница так считает. Сколько он здесь находится, она точно не знает, но думает, что более сотни лет. Жители всегда бережно к нему относились, смогли его даже отстоять в советский период атеистического лихолетья.

Босиком по снегу

«В Мощёнке всегда жили дружно: поддерживали друг друга в беде и радости, — вспоминает Ольга Григорьевна. — Люди жили тоже по-разному. Кто работал — тот имел все, а кто пил — добра не было, страдала семья. У каждого было хозяйство, растили сады, засаживали огороды — самый большой приусадебный участок был пятьдесят соток, остальные поменьше. Излишки урожая отвозили на базар в город. А вот льна своего не имели: здесь мало было земли. Даже своей рубашки не было из чего сделать. Все купленное — сорочка, штаны... За полотном в Брест ездили, затем из него сами шили одежду. Правда, у многих не было денег, чтобы купить полотно... Дети босиком зимой выходили, но не болели, как сейчас.

Работали, в основном, в городе, в колхозе мало кто трудился. После трудового дня приходили на вечерки: вышивали, вязали, шили. Не обходились они и без гармони, песен, танцев, шуток и смеха. По праздникам и воскресеньям, к слову, в Мощёнке никогда не трудились, собирались на лавочках. На этой лавочке (*на которой мы сидели и беседовали с Ольгой Григорьевной. —* ***Прим. авт.***) испокон веков засиживались, — продолжает рассказывать моя собеседница. — Говорили обо всем: что было и что есть, вспоминали детство, делились новостями... Молодежь на танцы и в школу ходила в Черни. Магазина своего не было, приезжала автолавка. Так вот и жизнь проходила».

Каравайное пророчество

Одним из главных событий Мощёнки, впрочем, как и других деревень, были свадьбы. Ольга Шпильчук рассказала, как она выходила замуж: «Свадьба была веселая и большая. В огороде поставили теплицу, накрывали клеенкой, потому что в доме было мало места. Куда выбросишь мебель и вещи? В первый день, в субботу, у меня проходило торжество, а на второй день — у жениха. Ехали за невестой на легковых машинах, а раньше на лошадях. Пару коней запрягали, украшали цветами, лентами, зеленью...

Когда меня привезли в дом жениха, вышли встречать свекор со свекровью и гости. На тарелке, когда «витали» молодых, стояла водка с рюмками, лежал хлеб. Говорили: «Хлеб, соль и вода — вот такая встреча была». Затем садились за столы, и начиналось продолжение торжества. Готовили тогда не так, как сейчас — варили холодец, запекали мясо в печке, жарили рыбу... Было просто, но вкусно.

Когда делили каравай, то сразу и одаривали молодых. Невесте давали отрезы на платье, блузку, юбку... Жениху — деньги, правда, мало тогда, кто дарил их. В ответ невеста дарила подарки но-

вым родственникам: свекрови — ткань, платок и фартук, а свекру — ткань, только на рубашку».

Каравай вносил перевязанный вышитыми ручниками «дружко». Выбирали его из числа родственников. Каравай сами пекли... Приглашали четыре каравайницы (позже я тоже была каравайницей), потому что тяжело одной управиться. Нужно было не только месить и выпекать, но и делать цветы, а затем украшать его. Перед началом замеса всегда молились, просили благословения для молодых.

Прежде чем поставить в печку, обязательно его перекрещивали. Старшие каравайницы контролировали температуру, чтобы он не подгорел, а еще следили за тем, как выпекается: правильно или нет. Бывало, вынимают каравай, а он раз — и пошел дыркой.

Говорили на это, что молодые жить долго не будут в паре или кто-то раньше из супругов умрет». Здесь я не удержалась и спросила: «Это сбывалось?» Моя собеседница ответила, что нет. «А может, было все хорошо и от того, что неудавшийся каравай заново замешивали и выпекали, — говорит она. — Во второй раз он почти всегда удавался. Так было с караваем, который я выпекала для соседки».

По ее словам, молодые жили долго вместе. Еще моя собеседница отметила, что выпекание главного атрибута свадьбы всегда проходило с песнями и танцами. Ведь это было радостное событие, как и сама свадьба, поскольку такие праздники дарили только добрые эмоции...

Сегодня жизнь Мощёнки мало чем отличается от прежней. Главной, как раньше, остается все та же улица. Здесь нет многоэтажных домов, возможно, и не скоро их увидишь. «Но и нет, — с болью и тоской отметила моя собеседница, — тех людей, с которыми я прожила большую часть своей жизни...»

Наталья ШЛЯЖКО,
«Брестский вестник»
Фото автора

Забытая история монастырского скита на Белом озере

Каждое место имеет свою историю. Правда, часто случается так, что прошлое стирается из памяти людей. Так, например, произошло и с историей Белого озера, расположенного недалеко от Бреста. Прошлое его почти забыто. А между тем оно хранит множество тайн...

Белое озеро — притягивающий уголок Прибужья. Удивительная природа, чистый воздух, расположение рядом озер: Белого, соединяющегося каналом с Черным, Тайного, Рогозянского, Меднянского. Эти места всегда привлекали отдыхающих, любителей рыбалки, ягод и грибов.

По нраву этот живописный уголок пришелся когда-то и монахам Яблочинского Свято-Онуфриевского мужского монастыря, который находится в пяти километрах от Белого озера на правом берегу Буга, на окраине деревни Яблечна в нынешней Польше. Именно Белое стало любимым местом монахов. Здесь они не только удили рыбу, но также проводили время в уединении. И со временем на берегу озера появился скит.

Знаковый снимок

Первым, кому пришла мысль возвести скит на берегу Белого озера, был настоятель Яблочинского монастыря архимандрит Герман, впоследствии — викарный епископ Люблинский. Архимандрит любил часто приезжать на озеро. Бывал он здесь и с будущим патриархом Сергием Строгородским. Они одновременно принимали постриг в честь преподобных Сергия и Германа Валаамских и были дружны. Но, увы, задуманному не суждено было осуществиться. Жизнь архимандрита Германа неожиданно оборвалась в 1903 году. Мысль о ските у обители отошла на второй план — в монастыре попросту не было средств на его устройство. Сложно сказать, как бы складывались обстоятельства дальше, если бы не случай. В 1906-м кто-то сделал фотоснимок берега озера, где любили бывать монахи, и именно в этом месте отчетливо проявилось изображение храма. Мысль об устройстве скита у братии появилась снова. На благодатном месте в 1907 году заложили первый камень Белоозерского скита, но из-за отсутствия средств строительство пришлось приостановить.

30 января 1909 года стао памятным днем в жизни обители и решающим моментом в дальнейшей судьбе скита. На сосне, которая росла недалеко от того места, возникло сияние трех икон — строительство скита возобновляется архимандритом Серафимом на средства некоего благотворителя из Москвы. В октябре того же года в скиту прошло освящение церкви преподобных Сергия и Германа Валаамских. Источники гласят: «С того же дня в небольшом домике при церкви, а также в кельях под церковью поселилась братия из девяти монахов-отшельников с иеромонахом Феодоритом во главе...» С 1913 года в скиту стали жить монахи с горы Афон. «Они стали примерами строгой аскетической жизни и пламенной любви к молитве». В скиту находились настоятельский и трапезный корпуса, школа и служебные постройки.

Холмская Русь. Яблочинский монастырь. Белоозерский скит. 1912 г.

Святой Онуфрий

Не случайно и появление самого Яблочинского мужского монастыря. Вот о чем повествует предание. Когда-то рыбакам, удившим рыбу в Буге, явился святой Онуфрий Великий и предсказал, на каком месте будут славить его имя. Позже рыбаки нашли в реке икону святого Онуфрия. Они и стали первыми монахами монастыря. События эти предположительно происходили в начале XV века. Собственную историю монастырь ведет с 1498 года.

Именно тогда уже действующему монастырю жителями Бреста подарено Евангелие. Поскольку других документов не нашлось, этот год и взяли за основание храма. Правда, есть и другая версия: годом основания некоторые историки считают 1151 год. Этот год указан на иконе Божией Матери, которая находится в Яблочинском монастыре.

Берег озера, где когда-то размещался скит

Он вошел в историю как единственный монастырь, сохранивший православную веру. Храм вел активную жизнь. В обители находилась школа, в которой проводили курсы для учителей Закона Божьего. При нем открыли ремесленную школу-интернат для мальчиков, где обучались шитью, ремонту обуви, кузнечному, слесарскому и столярному делу. Имела большую популярность и фермерская школа в деревне Дубица. Здесь получали знания по пчеловодству, садоводству, животноводству и другим сельскохозяйственным отраслям. В монастыре работала аптека и медицинская амбулатория. Монастырское миссионерство выходило далеко за рамки храма. Скит стал местом тишины и уединения. Но его существование, к сожалению, было недолгим...

Отпечаток войны

С началом Первой мировой изменилась жизнь не только монастыря, но и скита. Монахам с церковной утварью пришлось эвакуироваться в Москву. Насельник скита иеросхимонах Феофан (Нестерук) был направлен настоятелем в Братский Свято-Николаевский храм в Бресте для возрождения духовной жизни прихода, нарушенной войной. Когда церковная жизнь братии после войны наладилась, Феофан возвратился в Белоозерский скит. Однако спокойная жизнь не вернулась в обитель. События 1920 года, война между Польшей и советской Россией привели к тому, что жизнь скита прекратилась. Монахи покинули его, а церковь закрыли.

Вторая жизнь

В то самое время в деревне Омеленец под Каменцем сгорела церковь. Жители ее узнали, что Яблочинский монастырь закрыт. На собранные деньги прихожане купили здание его церкви, ее разобрали по бревну и по железной дороге перевезли до станции Черемха, а оттуда подводами в Омеленец. Но возведение церкви затянулось на длительное время. Сказалось тяжелое положение после Первой мировой войны. И только в мае 1930 года храм был собран на новом месте и освящен в честь Воздвижения Креста Господня.

Интересна и дальнейшая судьба церкви. Во время Второй мировой войны ее колокольня не раз использовалась как смотровая вышка. В конце войны, когда линия фронта снова проходила неподалеку, произошел вот какой случай. На колокольне находился корректировщик артиллерийского огня, фашисты его засекли и стали бить по ней. Но церковь осталась нетронутой. По рассказам очевидцев, корректировщик спустился седым: не верил, что останется в живых.

Интересно и то, что на колокольне установлены колокола, которые в народе называют жуковскими. Вот что рассказал настоятель храма иерей Игорь Перковский: «Во время войны настоятель храма священник Евгений Мисиюк организовал на приходе большую деятельность в помощь фронту. Все, что получилось собрать — а это были вязаные прихожанками носки, варежки и многое другое, — отправлялось на имя маршала Жукова. Позже он обратился к маршалу с просьбой помочь приобрести колокола, которые были утеряны во время Первой мировой войны. Вскоре их доставили в деревню. Об этом случае писала и дочь маршала Жукова...»

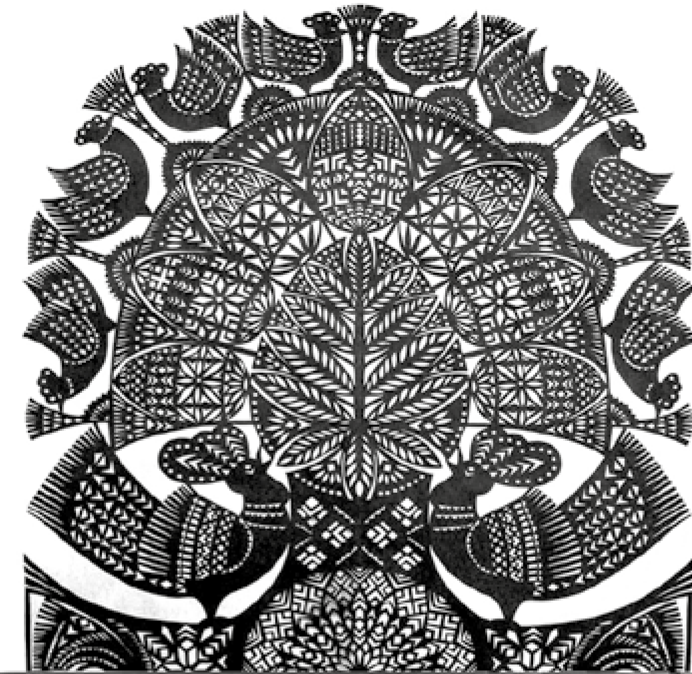
На круги своя

Сегодня храм Воздвижения Креста Господня ремонтируют. Если брать во внимание то, что освящение его было в 1909 году, то намедни храм отпраздновал свое 110-летие. Радует, что жизнь церкви преподобных Сергия и Германа Валаамских продолжается.

А на берегу озера, где когда-то размещался скит, находится база «Белое озеро». Место, где стояла церковь, засажено кустами сирени. Правда, неизвестно кем: монахами или прихожанами. Почему-то отдыхающие ничего не знают о прошлой жизни Белого озера. А так хочется, чтобы память о Белоозерском ските осталась не только в воспоминаниях и на бумаге, но и там, где она текла своей размеренной жизнью.

Наталья ШЛЯЖКО,
«Брестский Вестник»

БЕЛАРУСЬ ПОМНИТ

75-ы год Вялікай Перамогі

Шукайце, хлопцы, у жыцці свой гузік!

Пісьменнік, журналіст Аляксандр Валковіч сустрэўся з вайскоўцамі Брэсцкай Чырвонасцяжнай пагранічнай групы імя Ф. Э. Дзяржынскага. Імпрэзу прысвяцілі 75-годдзю Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне і Году малой радзімы.

Падчас яе творца расказаў пра сваю кнігу «Письма войны». Гэты ўнікальны гісторыка-дакументальны і публіцыстычны ілюстраваны зборнік змяшчае копіі паштовых канвертаў, салдацкіх «трохвугольнікаў», а таксама тэксты лістоў, напісаных у 1941–1945 гадах з фронту і на фронт. Асобныя раздзелы кнігі складаюць лісты абаронцаў Брэсцкай крэпасці, гісторыя дзённікаў пісьменніка-патрыёта Сяргея Смірнова, партызанскія дзённікі і малюнкі, лісты нашых землякоў-беларусаў з фашысцкай нявол і некаторыя біяграфіі... У якасці прыкладу Аляксандр Міхайлавіч зачытаў ліст лесніка з Белавежскай пушчы, Макара Маеўскага з вёскі Валкаставец сучаснага Камянецкага раёна, напісаны за некалькі дзён да страшнай смерці жонцы і васьмярым малалетнім дзецям: «Прашу вас: жывіце як найлепш, не спрачайцеся і не сварыцеся, каб людзі не смяяліся. Гэты лісток пішу перад смерцю сваёй 14 лістапада 1942 года. 20 лістапада буду павешаны ў Белавежы, відаць, лёс такі... Не шкадуйце рабой каровы, а зарэжце і з'ешце, інакш не перазімуеце».

Асобна Аляксандр Валковіч расказаў і пра абгарэлы фотаздымак з блакаднага Ленінграда, які перадаў для кнігі капітан першага ранга, пісьменнік Валерый Фёдаравіч Касатонаў. Яго мама і брацік сфатаграфаваліся, каб адправіць здымак бацьку на фронт, але ваеннатранспартны самалёт збілі немцы. Ацалелыя лісты вярнулі адрасантам... На жаль, бацька Валерыя Касатонава загінуў падчас Вялікай Айчыннай.

Распавёў пісьменнік таксама і пра загінулых воінаў, пахаваных у парку імя 1 Мая. Сярод іх — гвардыі маёр Шота Гагарышвілі. Ён загінуў пад Варшавай у жніўні 1944-га, быў пахаваны ў Брэсце, а ў верасні 1945-га яго рэшткі перавезлі на радзіму, у Тбілісі. Аднак імя з ранейшага месца пахавання сціраць не сталі...

Аляксандр Валковіч пазнаёміў ваеннаслужачых з яшчэ адной сваёй кнігай — «И тогда спроси свою печаль». Яна склалася ў свой час з матэрыялаў вандровак па рэгіёнах беларускага Палесся і расказвае аб людской міласэрднасці, крыніцах духоўнасці і маральнасці, месцы беларусаў на зямлі... У зборніку прадстаўлены багаты гутарковы і песенны фальклор палешукоў, старадаўнія паданні і легенды, жыццёвыя калізіі і людскія лёсы.

Не абышлі ўвагай і літаратурна-краязнаўчы альманах «Астрамечаўскі рукапіс», укладальнікам якога з'яўляецца Аляксандр Міхайлавіч.

Пісьменнік падарыў свае кнігі бібліятэцы пагранічнай заставы і пераказаў маладым байцам успаміны паэта-франтавіка Вінаградава, які прыйшоў з фронту. Жонка падарыла яму касцюм без гузікаў і адправіла мужа на базар па матавыя гузікі з бліскаўкамі. Патрапіўшы на базар, Вінаградаў проста разгубіўся. Што ён ведаў на вайне? Акоп, пазіцыя, жыццё і смерць. А тут — такая разнастайнасць жыцця! Ва ўсіх яе праявах і дробязях.

«Таму ў жыцці так важна знайсці гэты свой гузік з бліскаўкамі, які называецца — гармонія, — зазначыў пісьменнік. — Гармонію патрэбна шукаць усюды — у сваёй душы, у адносінах з навакольнымі, у сваіх адносінах да роднай краіны і спраў. Шукайце, хлопцы, у жыцці свой гузік!»

Наталля ШЛЯЖКО

Фота Брэсцкага абласнога аддзялення СПБ

Десятки памятников советским солдатам, снесенных в Польше, займут почетное место на «Аллее Памяти» в поселке Мухавец

Их пока только два — памятника советским воинам, демонтированных в Польше, по ту сторону Буга, и доставленных через границу в поселок Мухавец под Брестом. А будет, по словам руководителя фирмы «Лагуна» Натальи Ильницкой, не меньше двух десятков. Идея — не дать угаснуть памяти о 600 тысячах наших солдат, отдавших свои жизни за освобождение Польши.

Особую поддержку инициативе оказал председатель Брестского райисполкома Владимир Сенчук, руководство Брестского технического университета, студенты которого по зову сердца готовят сейчас сразу несколько эскизных проектов для будущей «Аллеи Памяти».

Инициаторы начинания во главе с Натальей Ильницкой рассылают десятки запросов в польские общественные и государственные инстанции, списываются-уточняют, систематизируют информацию о сносимых памятниках в Польше, ведут переговоры...

На сегодняшний день на специально оборудованной площадке рядом с «Лагуной» находятся два привезенных памятника, которые в свое время были демонтированы в гмине Дубиче-Церковне на Белосточчине и в городке Лидзбарк Варминьски на севере Польши, под Ольштыном. Ждут своего часа отправки в Беларусь, благодаря заботе и договоренностям Н. Ильницкой с польскими властями, солдатские памятники и обелиски в деревне Заболотье и городке Кодень на Люблинщине. Готовятся документы на другие памятники, ведется активная работа по недопущению уничтожения памятников в ряде населенных пунктов в различных уголках Польши. Ведь не секрет, что до того времени, как все они обретут достойную их памяти прописку на приграничной брестской земле, предстоят немалые реставрационные работы, а также значительные финансовые затраты. В день 75-летия Великой Победы и в другие дни к многочисленным сохранённым благодарными потомками памятникам на «Аллею Памяти» опять будут приходить люди, чтобы отдать почести советским солдатам, освободившим славян от фашизма по ту, другую, сторону Буга.

Владимир МУРАВСКИЙ
Фото Николая ЧЕБЕРКУСА
и Владимира МУРАВСКОГО

Красноармеец, десятилетиями стоявший в парке за Бугом, теперь обрел надежное пристанище в «Янтарной Лагуне» в поселке Мухавец

Помнят Гловацких в Гершонах...

На окраине деревни Гершоны, не так давно вошедшей в городскую черту, на одном из домов висит мемориальная доска. Из текста можно узнать, что здесь проживал Кирилл Федорович Гловацкий, участник антифашистского подполья, расстрелянный после пыток фашистами в 1943 году.

Фамилия Гловацких в Гершонах на слуху. Старожилы помнят также и членов этой большой семьи, каждый из которой, как и многие советские люди, прошел суровое испытание огненного лихолетья. Одни из детей Федора Гловацкого сложили свои головы на фронтах Великой Отечественной, другие умерли уже в мирное время. Зато живы дети детей, правнуки и праправнуки — наследники, общее количество которых перевалило далеко за сто человек...

О семье советских патриотов Гловацких наш рассказ.

Был Гловацкий, или как его называли в деревне, усатый Кирилло, мастером на все руки. Вместе с женой Натальей Калистратовной в трудолюбии и благочестии растили детей. А появилось их у родителей со временем ни много ни мало восьмеро — Пимен, Николай, Василий, Михаил, Евдокия, Владимир, Надежда, Вера.

Но не только жизненной стойкостью и верой в справедливость отличался глава семейства. Первая мировая война, германская, а затем белопольская оккупация многому научили этого человека, закалили.

Вместе с другими сельчанами сооружал арку для встречи Красной армии на Ковельском шоссе в сентябре 1939 года, местных полицейских обезоруживал, в народной милиции состоял. На своей основной работе — формовщиком кирпичного завода № 22 — был в авторитете и почете. Здесь, в Гершонах, и застала всю семью Гловацких Великая Отечественная война...

...21 июня в субботу часов в пять вечера неожиданно запылали дома в соседней с Гершонами деревне Котельне-Боярской. Очевидцы тех лет утверждали, что их подпалили зажигательными пулями с другой стороны Буга, где уже скапливались, готовились к решающему броску немецкие части. В доме Гловацких уснули поздно. Дети — самая младшенькая Вера, семнадцатилетний Владимир и шестнадцатилетняя Надежда — на пожар бегали, устали. Старшие — сестра Евдокия, братья Пимен и Михаил — уже отдельно от родителей жили. Никто из них страшной беды не ожидал.

А утром спозаранку началось... Во дворе, по всей деревне, в окрестностях стали рваться снаряды. Дребезжали стекла в окнах, дрожала от взрывов земля. Война. Куда деться, где спрятаться? Полураздетые, выскочили во двор. Бросились в поле, в жито.

Невестка Ольга, жена Василия (она умрет позже, в 1942 году, при родах) выскочила из хаты, обернулась, а тут осколок снаряда прожег ключицу, залил кровью платье...

Рассвело. А тут уже немецкие танки потянулись, бронетранспортеры, мотоциклы. Где-то рядом Брестская твердыня сражалась, основные силы врага сковывала, а сюда, в прибужскую деревню, обойдя форты, смяв пограничников, фашисты вступили почти беспрепятственно.

Кирилл Гловацкий с Женой Натальей

На следующий день где-то в полдень пушку невдалеке хаты захватчики установили, стали пороховню (долговременную огневую точку, артсклад), что рядом с домом находилась, в упор долбить. Оказывается, там кто-то из наших бойцов укрылся, до последнего отстреливался. Фашисты дверь снарядом вышибли, местных согнали, мол, ступайте с ультиматумом, пусть выходят на милость победителей.

И никто не догадался, что Кирилл Гловацкий накануне ночью в ту пороховню уже пробрался, раненых советских бойцов вывел, в гражданское тряпье переодел.

— Спасайтесь, братцы, уходите, но только возвращайтесь скорее с родной нашей Красной армией, что не смогла рубежи на границе удержать...

Так начались для семьи Гловацких тяжелые дни фашистской оккупации. Кирилл Федорович вынужден был пойти работать вновь на кирпичный завод, дети постарше, как могли, помогали. И по негласному уговору в семье не болтали лишний раз о том, что по ночам приходят в дом люди из леса, что протоптаны уже туда партизанские дорожки.

А в августе 1943 года в хату Гловацких ввалились немцы с полицейскими. Кирилла Федоровича схватили. Продержали его в Брестской тюрьме около месяца. Каким допросам, пыткам подвергался — можно только догадываться. Несколько раз жену, дочерей допускали туда с передачами. В последний раз, когда Вера Гловацкая, собрав нехитрый узелок с провизией, отправились к тюрьме, передачу эту надзиратели не приняли, мол, уже без надобности. Долго стояла девушка с матерью у стены с зарешеченными окнами, стараясь рассмотреть издалека отцовское лицо. Появился на миг в окне — изможденный, худой — махнул рукой, дескать, идите домой. И кистью вокруг шеи красноречивым жестом провел — конец...

Только много позже родные узнали: расстреляли Кирилла Федоровича вместе с десятками других патриотов между валами форта № 3, на месте сегодняшнего электромеханического завода.

В конце весны 1944 года оккупанты схватили Василия Гловацкого, в то время уже связного партизанского отряда имени Ворошилова. Как рабочий скот повезли его товарняком вместе с другими парнями и девчатами на каторжные работы в Германию. По пути, где-то на территории Польши, ему вместе с группой смельчаков удалось из эшелона бежать. Домой, в Гершоны вернулся. А тут уже канонада победоносного наступления наших войск до Бреста докатываться стала. Забрал Вася сестричек Веру и Надю, двинулись все вместе к партизанам в сторону Медно. Еще раньше ушли в лес брат Владимир, сестра Евдокия с мужем Романом Матвеевичем Борисюком, секретарем Гершоновского сельсовета. В хате Гловацких только одна мать Наталья Калистратовна осталась, наотрез отказалась уходить от родного очага.

После того, как отгремели бои за Брест, Вера и Надя вернулись в Гершоны. Вскоре добрались сюда из партизанско-

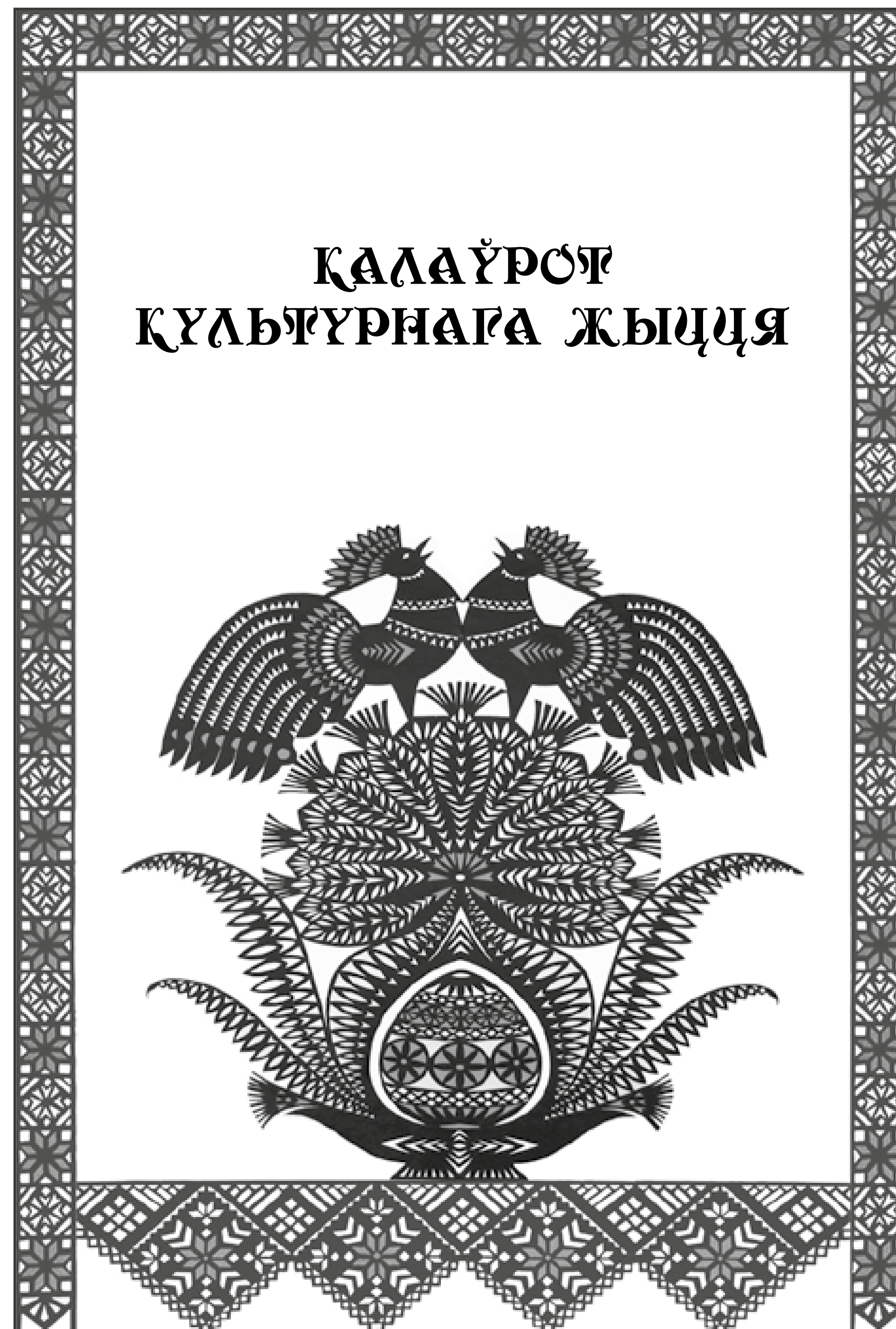

го отряда, что действовал на территории Ровенской области, Евдокия с детьми. О судьбе же своих братьев сестрам не сразу известно стало. В 1945 году пришла похоронка на Василия, геройски погибшего при форсировании Одера. Пропал без вести брат Николай, призванный в армию перед войной. Владимир, тоже попавший на фронт из партизанского отряда, в сентябре 1944 года прибыл раненый в руку, долечивался в госпитале Южного городка. Дома, естественно, побывал. А потом снова на фронт. И снова ранение. Теперь уже тяжелое, в голову, полученное в боях на Балтийских берегах. Вернулся Владимир в Гершоны инвалидом III группы. А на груди — орден Отечественной войны I степени, медали «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» и другие награды. После войны долгие годы трудился на кирпичном заводе. Здесь же работал его брат Михаил. Сестра Надя сразу же после освобождения Бреста от фашистских захватчиков трудилась санитаркой военного госпиталя в Южном городке, затем — в дорожно-строительной организации. А сестре Вере, по невероятному стечению обстоятельств, довелось работать на Брестском электромеханическом заводе — построенном именно на месте того форта, где был казнен ее родной отец Кирилл Федорович Гловацкий...

...Вот такой беглый и далеко неполный рассказ о членах семьи настоящих советских патриотов Гловацких. О каждом из них, о жизни, боевом пути можно было бы написать многое, к сожалению, газетные рамки сделать этого не позволяют. Но дело, наверное, не в этом. Главное, что Гловацких, павших и ныне здравствующих, хорошо знают и чтут в Гершонах. Нет старой дедовской хаты, где Гловацкие-младшие босиком шлепали по полу, но на ее месте стоит другой, послевоенный дом, висит обновленная мемориальная доска. Там, где высился старый каштан у колодца, — почерневший пень, зато колодец с родниковой водой жив, и его регулярно чистят. А невдалеке сохранились остатки бетонированной пороховницы — безмолвные свидетели кипевших здесь бурь. Подрастают в Гершонах, в Бресте, в других городах и весях многочисленные родственники усатого Кирилла, давшего начало роду Гловацких на Прибужской земле. А за дедовским домом в Гершонах ухаживает внук Кирилла и Натальи Гловацких, сын Владимира — Сергей со своей семьей.

Династия продолжается...

Александр ВОЛКОВИЧ

«Тупу-тупу на пагосце, прыехалі да нас госці...»

21 кастрычніка фальклорная экспедыцыя перадачы «Наперад у мінулае» (праграмы, прысвечанай спрадвечнай песеннай культуры Беларусі) завітала ў агр. Астрамечава Брэсцкага раёна. Кожны выпуск — штотыднёвая справаздача паводле экспедыцый у глыбінку, дзе яшчэ захавалася фальклорная беларуская спадчына. Носьбіты аўтэнтычнай культуры — бабулі ў вёсках — выконваюць шэраг песен, з якіх выбіраецца адна. На яе ствараецца аранжыроўка ў творчай манеры выканаўца з выкарыстаннем арыгінальных галасоў. Адначасова вядзецца расказ пра вартыя ўвагі славутасці гэтай мясцовасці — пра народную песенную творчасць, абрады, народныя рамёствы, асаблівасці дыялекта і г.д. Напрыканцы праграмы сучасныя выканаўцы прадстаўляюць новую версію народнай песні.

На гэты раз адбылася сустрэча з Народным ансамблем музыкі і песні «Астрамечаўскія Лявоны», якія ладзілі абрад «Каляды». Ганна Зайцава і Сафія Астапюк, навучэнцы Мінскага каледжа мастацтв, удзельніцы і пераможцы шматлікіх конкурсаў і тэлепраектаў, разам з кампазітарам Сяргеем Сухамліным зрабілі аранжыроўку на калядную песню «Тупу, тупу на пагосце, прыяжжалі нашы госці».

Тым часам кіраўнік узорнай студыі «Калібры» Вістыцкага СДК Аляксандр Альбертавіч Лазерка і ўдзельніца студыі Яраслава Рабцэвіч выразалі выцінанкі на калядную тэматыку.

А фальклорны калектыў Ляплёўскага СК «Жывая вада» запрасілі на Калядную вячэру, дзе прадэманстравалі прыгатаванне 12 калядных страў. А пасля пачаліся варажбы на Шчадруху. Можна было даведацца, як варажылі на будучае замужжа нашыя бабулі і пра міфічнае мінулае паселішча. Крыху пазней у эфір выйшла яшчэ адна перадача з удзелам фальклорнага калектыву «Жывая вада». Лідэр групы «Дразды» Віталь Карпанаў разам з кампазітарам Сяргеем Сухамліным нанова адрадзілі народную песню «Клым».

Алёна ПОДДУБНАЯ

Путешествие в мир музыки

Районный детский конкурс инструментальных ансамблей «Прыбужскія Каляды — 2020» в ДШИ агрогородка Черни

Более 45 коллективов из всех музыкальных школ района собрались в концертном зале, чтобы выявить, кто из них лучший из лучших.

— Конкурс проводится при поддержке ОО «Белорусский фонд мира», РОО «Белая Русь», — рассказала организатор творческого состязания, председатель районной организации РОО «Белая Русь», начальник отдела идеологической работы, культуры и по делам молодежи райисполкома Лариса Балашова. — Для учащихся школ искусств конкурсы и фестивали привычны. В нынешнем году мы решили посвятить районный праздник инструментальным ансамблям. В предложенных номинациях приняло участие 177 учащихся из восьми ДШИ Прибужья. Возраст конкурсантов был неограничен: от первоклашек до выпускников. Надо отметить, что свое мастерство ребята демонстрируют на всех инструментах, которые звучат в их музыкальных школах.

Среди гостей мероприятия присутствовали заместитель председателя райисполкома Павел Волынец, заместитель председателя правления областного отделения ОО «Белорусский фонд мира» Лариса Авдейчук, заместитель начальника отдела по образованию райисполкома Елена Бурова.

Атмосфера Рождества и колядных праздников царила в зале.

Темой конкурса стало путешествие в мир музыки. Фея и ее помощница (Вероника Хвисючик и Виктория Глух) срывали с украшенной новогодней елки шары с флагами разных государств мира и предлагали конкурсантам исполнить композицию, соответствующую тематике выбранных стран. Помогая тем самым слушателям приоткрыть завесу тайны и узнать, как там празднуют Рождество.

О русской пляске «Кадриль» рассказал дуэт баянистов «Веселые музыканты» из Остромечевской ДШИ, а о народных праздничных игрищах — дуэт Чернавчицкой ДШИ. Благодаря «Оде к радости» Бетховена в исполнении ансамбля духовых инструментов из Чернинской ДШИ гости узнали, что в Рождество дома практичных бюргеров из Германии наполняются атмосферой уюта, спокойствия и волшебства, а в центре уличных ярмарок устраивается сцена, на которой проходят концерты. «Менуэт» Поля Мориа в исполнении ансамбля скрипачей «Домино» из Остромечевской ДШИ рассказал о зародившейся во Франции традиции украшать главную красавицу праздника стеклянными шарами.

Чешскую польку исполнили дуэт аккордеонистов из Чернинской ДШИ. И, конечно, куда без рождественских колядок нашей родной страны — их спел хор хозяев вечера. Пьесу «Хорошее настроение» исполнил ансамбль цимбалистов Клейниковской ДШИ, а рождественские песни — ансамбль ударных инструментов «Колокольчик» Чернавчицкой ДШИ. О популярном европейском танце «Галоп» рассказали флейтистки из Тельмовской ДШИ.

Незабываемые минуты радости дарили и другие учащиеся детских школ искусств района. Финальным аккордом насыщенной программы стало пылкое и воодушевленное исполнение колядной белорусской песни «Неба і зямля» сводным хором Чернинской ДШИ.

Как отметила Лариса Балашова, конкурсанты показали яркое и безукоризненное исполнение предложенных композиций. Ее полностью поддержала Лариса Авдейчук, отметив, что никого из гостей не оставила равнодушным игра конкурсантов. Все ребята очень старались, музицировали выразительно и эмоционально.

И, конечно, самым приятным в колядках стало награждение победителей. Вручая дипломы и грамоты, Павел Волынец каждому желал новых открытий в мире музыки, а со своей стороны пообещал всяческую поддержку юным дарованиям. Все участники получили свои награды. Не обошлось и без сладких презентов от спонсоров мероприятия — ОО «Белорусский фонд мира» и РОО «Белая Русь».

.

Агата РОМАНОВА
Фото автора

На белорусском, польском, украинском щедровали во Влодаве, за Бугом

25 января в польском городе Влодава в атмосфере рождественских праздников состоялся XIX фестиваль колядок и щедровок над Бугом. Каждый год сюда съезжаются коллективы из Польши, Украины, Беларуси и радуют всех своим творчеством. Вот и на этот раз Влодавский Дом культуры наполнился артистами и зрителями, в числе которых были и представители администрации города. Свободных мест в зале не было.

Фестиваль над Бугом пользуется огромной популярностью и с каждым годом только набирает обороты. Участвовать в конкурсе становится сложнее: коллективов с высоким исполнительским мастерством приезжает все больше. Чтобы принять участие, необходимо пройти первый отборочный тур — отправить организаторам свою аудиозапись.

В этом году на концертной площадке Влодавы состязались 24 творческих коллектива, из них 14 пели а капелла — без музыкального сопровождения. Непременное условие: одно из произведений должно было звучать на польском языке.

Нашу страну представлял единственный коллектив из Беларуси — народный ансамбль песни «Медуницы» Клейниковского Дома культуры Брестского района (художественный руководитель Екатерина Сидорук). Коллектив недавно отметил свое 25-летие, в его репертуаре как авторские песни, так и народные — белорусские, русские, казацкие и духовные песнопения.

В Польше ансамбль уже давно пользуется любовью зрителей, о чем упомянул и ведущий фестиваля, представляя коллектив публике.

В международном конкурсе «Медуницы» участвуют и занимают призовые места не первый раз. В этом году прибужские артисты достойно исполнили два произведения а капелла и привезли домой почетное второе место. Пальма первенства по праву досталась представителям города Луцк «ZYCZENIE» (Украина).

Несмотря на заслуженную награду, коллективу некогда расслабляться — впереди подтверждение звания «Народный». А это значит, новые репетиции, работа над репертуаром, повышение вокального мастерства.

Наталья ПАШКЕВИЧ,
участница народного
ансамбля песни «Медуницы»

Польские гости в музее-усадьбе Немцевичей

По инициативе «народной дипломатии» в середине февраля в Бресте побывали бургомистр крупнейшего района Варшавы — Урсынова, вместе со своими заместителями. Сотрудники администрации Варшавы прибыли не по плану официальных визитов. Что же заинтересовало их на белорусской земле?

16 февраля отмечался день рождения писателя и участника восстания 1794 года Юлиана Урсын-Немцевича, родившегося в родовом имении Скоки под Брестом. К этой дате всегда ведет подготовку и Музей усадьба Немцевичей, и варшавский Урсынов, о котором мы уже не раз писали.

«У нас каждый год летом проходит День Урсынова — большой праздник нашего района, — рассказал заместитель бургомистра Якуб Берент. — Нам предложили приехать в Брест, посмотреть город, побывать в родовом гнезде — усадьбе Немцевичей. Я подумал: хорошая идея, но сначала попросил пригласить на Бал в Урсынове руководство усадьбы Немцевичей и пожилых людей из Бреста для совместного мероприятия. В Варшаву на «Урсыновский бал пожилых людей», который организовывает ежегодно «Клуб пожилого человека», брестчанка Ирина Шепелева привезла группу активных туристов из Брестского Университета третьего возраста и группу из музея-усадьбы Немцевичей. Мы познакомились с людьми, жили они у нас в семьях. Затем мы решили вместе собраться и отпраздновать день рождения Немцевича уже на вашей земле».

Юлиан Немцевич — драматическая фигура, человек, в судьбе которого история Беларуси и Польши неразделима. Будучи адъютантом Тадеуша Костюшко, он был ранен в битве под Матеёвицами и оказался в плену в Петропавловской крепости. И также вместе с Костюшко был освобожден и выехал в США, где женился на американке. Вернувшись в 1807 году он поселился под Варшавой в сельском доме над рекой, где теперь и вырос самый большой спальный район Урсынов.

День рождения нашего общего героя отметили в усадьбе в Скоках. Директор музея Сергей Семенюк и его команда постарались сделать интересный вечер в форме визуальной конференции, где определенные этапы жизни Юлиана Немцевича, показанные на экране, сменялись поочередно хоровыми и поэтическими выступлениями брестских польских школ и общественных организаций. Гости познакомились с работниками Музея, организовавшими замечательный праздник, с руководством брестского района, представителями Генерального консульства Польши в Бресте, консулом Украины. Самое главное, обменялись полезными контактами, которые потом могут вылиться в совместные культурно-исторические проекты, обоюдно-выгодные, как для урсыновских клубов и библиотек, так и для нашего музея.

Бургомистру понравился музей Высоцкого в Бресте. Руководитель выразил желание и дальше идти в этом направлении и, возможно, сделать следующий сборный концерт, посвященный творчеству Высоцкого в Варшаве. Так же было выражено мнение, что хорошо бы обмениваться выступлениями хоровых и музыкальные коллективов.

Во время общения журналистам удалось узнать, что гости, прибывшие в Беларусь впервые, удивлялись чи-

стоте города, ширине пеших тротуаров, что люди не перебегают на красный, что почти все понимают польский, что в подъездах греют батареи, что здесь очень вкусная еда и особенно хлеб. Впечатлила кухня. Посетили несколько ресторанов. Пожелали посмотреть Брестскую крепость и фортификации, Музей ЖД техники и брестские фонари, Музей Высоцкого и Музей истории города. Но основной темой оставался родной Юлиан Немцевич.

Гостей принял председатель горисполкома Александр Рогачук. Мэр расспросил польских коллег о полученных от пребывания впечатлениях. В неформальной дискуссии хозяева и гости поделились мнениями о благоустройстве городского пространства.

С обоих сторон прозвучало пожелание, чтобы люди чаще ездили в гости просто так, на дни рождения, спортивные матчи или без повода — путем безвизового режима.

Команда руководителей Урсынова планирует завязать сотрудничество с усадьбой Немцевича, планирует не растерять связи, начатые «народной дипломатией», и по приезду поделиться впечатлениями о Бресте, чтобы заинтересовать и других поляков Брестчиной.

Источник:
https://virtualbrest.by/news74707.php

У дапамогу ўстановам адукацыі і культуры

Откуда взялась папаха у русских казаков

Наверняка многим приходилось видеть странные мохнатые продолговатые головные уборы российских казаков. При этом далеко не каждый знает, откуда взялась загадочная меховая шапка, как она называется и для чего нужна. На самом деле с этой шапкой далеко не все так просто, как может показаться на первый взгляд. Самое время узнать больше об одном из самых ярких атрибутов русских кавалеристов.

Папаху русские переняли у жителей Кавказа и Средней Азии во время экспансии в данный регион

Революционер-анархист Батька Махно

«Мохнатая» меховая цилиндрическая шапка, которую можно увидеть на русских казаках, называется папаха. Как несложно догадаться, исконно русским головным убором она не является. Предмет гардероба был заимствован у народов Кавказа и Средней Азии, куда Российская Империя на протяжении нескольких столетий проводила свою экспансию. Папаха является одним из наиболее ярких заимствований удачных изобретений пришлыми народами, у народов коренных.

Считается, что русские солдаты стали носить папахи во время службы на Кавказе и Средней Азии примерно с 1817 года. Этот головной убор быстро завоевал популярность, благодаря своим выдающимся характеристикам и в первую очередь – удобству. Впрочем, тогда об официальном понятии папахи, как предмета воинской экипировки не шло. Случилось это только в 1855 году. Тогда папаха была официально установлена в русской армии, причем только в казачьих подразделениях.

При этом папахи в Русской имперской армии были очень разными. Внешний вид папах мог сильно меняться в зависимости от региона службы конкретного подразделения. Большинство казачьих папах было высокими, с коротким мехом

и черного цвета. При этом Уральские, Забайкальские, Амурские и Уссурийские подразделения носили папахи с длинным мехом. В вот Сибирские казачьи формирования уже носили папахи укороченные, с коротким мехом и черного цвета. Представители свиты и личной охраны Его Величества носили (как правило) высокие белые папахи с коротким мехом.

Данный головной убор в русской армии стал форменным предметом одежды и, по сути, выполнял две функции. Во-первых, отражал принадлежность кавалериста к казачьему формированию. Во-вторых, был просто удобным зимним головным убором. Достаточно сказать, что папаха оказалась настолько удобной шапкой, что смогла пережить в имперскую армию.

В 1913 году в Российской Империи было принято положение, которое учреждало папаху в качестве головного убора всех сухопутных войск страны. Правда,

Постепенно папаха становилась все более модной, носили ее и офицеры, и цари

Революционные солдаты в 1917 году стали помечать папахи красной лентой

Шапка полагалась в первую очередь казакам, которые служили на границе

В Первую мировую войну папаху разрешили носить всем сухопутным частям. Фото на Восточном фронте с немецкими солдатами.

Лев Троцкий и революционеры

действительно широкого распространения она получить не успела. Во-первых, потому что уже готовилась новая шапка, которая впоследствии получила название «будёновка». Во-вторых, потому что в 1917 году случилась революция. Кстати, революционеры папаху тоже любили, в качестве знака отличия пришивали к ней красную ленту. В ходе Гражданской войны папахи использовались буквально всеми: красными, белыми, зелеными. Носили, как имперские шапки образца 1910 года, так и традиционные кавказские головные уборы.

В 1922 году в Советской России папаха была выведена официально из массового употребления. Однако, уже в 1936 году, приказом НКО СССР номер 67 от 23 апреля знаменитый головной убор вновь вернулся. Согласно приказу, папаху могли использовать в качестве выходной формы одежды бойцы казачьих формирований в составе РККА. Так, кавказские казаки носили папахи-осетинки («кубанки»), а донские казаки предпочитали традиционную высокую папаху. Спустя 4 года в 1940 году вышел новый приказ, который разрешил использовать папаху в качестве зимнего головного убора генералам и маршалам Советского Союза. А спустя еще некоторое время, папаху разрешили носить и полковникам всех родов войск, вместо шапки-ушанки.

После развала Советского Союза в 1995 году папахе досталось. Новым приказом головной убор был запрещен к использованию в армии. Тем не менее, спустя 10 лет, в 2005 году указом президента РФ от 08.05.2005 г. № 531 кавказский головной убор в очередной раз вернулся в войска. Сегодня он полагается генералам и полковникам, как и во времена СССР.

Источник: https://novate.ru

Мужской меховой головной убор, это не просто шапка, а предмет гордости и чести кавказского мужчины

Советские казаки в папахах-кубанках на параде Победы в Москве в 1945 году.

Суеверия и народные традиции полесских крестьян

По материалам сборника «Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния» (С.-Петербург, 1863).

Еще в середине XIX века группа офицеров русской армии по заданию Генерального штаба стала составлять сборники «Материалов для географии и статистики России» по всем губерниям. Не исключением являлись и западные (белорусские) регионы. Брест-Литовск в ту пору являлся уездным центром Гродненской губернии, сборник по которой содержит подробные сведения по ее истории и статистике. Подполковник Генерального штаба П.О. Бобровский провел детальное исследование и в 1863 году оставил солидное описание быта крестьянского населения губернии, выдержки из которого приводятся ниже.

Прежде всего, коснемся подготовки к праздникам. Как писал Бобровский, «во время святок, от Рождества до Богоявления, никто не занимается ручной работой, чтобы на весь год не накликать на себя болезни и разных бед. Обыкновенно зимой по деревням собираются на вечерницы: девки с прялками и веретенами сходятся в одну избу; туда же являются парни, принося с собой гусей, кур, крупу и муку и отдают все это хозяину или хозяйке для приготовления ужина. ... Во время святок или коляд по деревням ходят со звездой и поют песни. На Пасху, кроме кулича и яиц, должен быть на столе жареный поросенок; кости его хранятся до Юрьева дня (23 апреля), тогда хозяин закапывает их по углам поля, на котором будет сеять».

Довольно важный, с точки зрения крестьян, обряд совершали при постройке новой хаты. Так, «при заложении хижины, когда положатся подвалины, хозяин по всем углам на ночь кладет по куску хлеба; ежели на другой день хлеба в каком-либо углу не оказалось, место это считается несчастным и тогда подвалины передвигаются. Крестьянин, основывая на хлебе все свое счастье, по пропавшему на подвалине хлебу полагает, что если не переставить хижины, то будет терпеть недостаток, а это сократит его жизнь».

Если современный человек при вселении в новое жилье, по давней традиции, пускает впереди себя кошку, то вот как это происходило при новоселье в старину. Крестьянин считал, что «все несчастья в доме происходят от бесовской силы, а чтобы избавиться от нее,

в новопостроенный дом прежде всего на ночь впускают через окно петуха или курицу, на следующую ночь гуся, на третью – поросенка, на четвертую – овцу, на пятую корову, на шестую – лошадь. Когда все эти животные переночевали благополучно, просят священника для освящения, затем в седьмую ночь переносится все семейство.

Иногда ограничивается только одним петухом; ежели впущенный в избу петух будет петь – хороший знак, если нет – дурно. Петух, по мнению хозяина, не проспал бы своего часа, если бы в избу не заглянул черт, испугавший петуха и принудивший его к молчанию».

Многие приметы пришли к нам, в современное время, именно с тех пор. Так, «чтобы водились круглый год деньги, надобно побрякать ими в первый раз, когда услышишь кукушку, почему говорят: «сховай три гроши на зозулю». Недобрый знак, когда дорогу перебежит заяц или кошка; напротив, знак хороший, когда дорогу перейдет волк или навстречу попадет ведро с полной водой. Если аист выбросит из гнезда яйцо, лето будет урожайное, а если птенца, то ждут неурожаи и боятся голода. Примет на урожай у крестьян весьма много: хорошая погода вечером накануне Рождества Христова, предвещает изобилие; ждут голода, когда кукушка поет на нераспустившемся дереве. Ежели курицы сидят под печкой, будет спокойно и год пройдет мирно, а если стоят, то можно ожидать войны или неурядицы. Вой собак предвещает заразительную болезнь и большую смертность. Лучшим средством от лихорадки служит хлеб, освященный в Фомино воскресенье».

Только, иногда подобные суеверия приводили к необратимым последствиям. Так, во время эпидемии холеры 1831 года в Слонимском уезде, «крестьяне в надежде избавиться от эпидемии, положили в яму и зарыли живую женщину с петухом и вороной».

Начиная полевые работы, крестьяне обязательно проводили обряд освящения поля установкой крестов на перекрестках. Впрочем, не всегда это помогало и тогда, как писал Бобровский, крестьянин «не начнет пахать поле, пока не уложит по краям его кости пасхального поросенка».

После сбора урожая начинались дожинки. Кстати, это изобретение далеко не сегодняшнего дня. Итак, «дожинки обыкновенно празднуются в тот день, когда оканчивается жатва; редко откладывают до совершенного окончания всех работ. Из последних колосьев хозяйка свивает пучок или венок, приносит его домой и поздравляет хозяина. После чего начинается угощение и попойка, нередко пляска. Собственно праздник дожинок совершается на господском дворе у помещика. На дожинки собирается вся деревня от мала до велика и жители смежных деревень. На одну из девушек, самую рабочую, которая скорее всех подает надежду выйти замуж, надевают платок, свитый из одних колосьев и украшенный полевыми цветами; за ней идет все общество с песнями, сложенными на этот случай. Помещик, сопровождаемый созванными гостями, выходит на крыльцо, принимает венок и дает девушке деньги; в то же время обливают ее ведром воды, а более смышленый мужик говорит речь о своих трудах, наполняя ее аллегориями. Помещик угощает всех мясом, водкой, пивом, являются скрипачи, начинаются песни и пиршество продолжается до рассвета. Это один из самых веселых деревенских праздников».

Никита СТРИЖ
https://virtualbrest.by/